

Виталий Домбровский
**ПРОЕКТ
«HYDRA SAPIENS»**
роман

Виталий Домбровский
Проект «Hydra Sapiens»

«Моя Строка»

2019

Домбровский В.

Проект «Hydra Sapiens» / В. Домбровский — «Моя Строка»,
2019

ISBN 978-5-9965-0373-5

«Вначале, конечно же, было Слово и, кстати, не одно, а целый научный труд, долгосрочная программа, обеспеченная правительственным грантом. Денег хватало. Министерство обороны не скупилось, несколько университетов тоже скинулись, иностранные инвесторы раскошелились и уже надували щёки в ожидании славы и дивидендов. Работа кипела. На стыке веков участники авантюры уже потирали ладошки в ожидании нового еврейского чуда. Ставки были сделаны и отступить уже было некуда. В результате Верочка разработала основополагающий Принцип и поставила на его основе свой Главный Эксперимент. Она была мастерица и по части разработки биогенетических принципов искусственной жизнепродукции, и по части всякого рода экспериментов. Но, видимо, на этот раз принцип был сыроват, хаотичен и не вполне последователен, расчёты каждый день пересматривались, эксперимент откровенно затянулся, а деньги вот-вот уже могли и закончиться...»

ISBN 978-5-9965-0373-5

© Домбровский В., 2019

© Моя Строка, 2019

Содержание

Рецензия на роман Виталия Домбровского	5
Пролог	9
1. Сотворение Мира	9
2. Сотворение Гидры	14
3. Сохранено в папке «Private» 19 июля	19
Часть первая. Воины и Возницы	22
Часть вторая. Исход	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виталий Домбровский

Проект «Hydra Sapiens»

Рецензия на роман Виталия Домбровского

Помрачение небесного света, затмение Бога – вот действительная особенность того часа истории, в котором мы живём.

Слова Мартина Бубера, философа, историка религии, президента Израильской академии наук (1960–1962) относятся не только к мигу истории – здесь и сейчас, но, пожалуй, ко всей истории человечества. Что такое история, если не бесконечная череда соблазнов со дня грехопадения первых людей?

«Будете как боги...» с удивительной последовательностью этот соблазн раз за разом пленяет умы «гениальных сумасшедших», от докторов – Фауста и Франкенштейна, до инженеров и властителей дум с тысячами адептов. Полагаясь на силу научного знания, человек с удивительной лёгкостью отмахивается от мудрого напоминания: благими намерениями вымощена дорога в ад. Правда, изощрённому уму удаётся и порой надолго внушить массам, что ад – это рай, мир – война, а смерть – любовь. А ведь массы состоят из живых людей, прекрасно чувствующих разницу между статистикой – известием о далёкой катастрофе со множеством жертв и трагедией – личным горем. Тем непостижимее упорство, с которым человечество – система сообщающихся сосудов – веками стремится, если не к полному самоистреблению, то к созданию невыносимых условий жизни на Земле. Отчего с такой лёгкостью оно вверяется произволу новоявленных земных божеств?

Роман Виталия Домбровского «ПРОЕКТ 'HYDRA SAPIENCE'» – ответ на эти вопросы. Но у читателя возникают новые: Почему мужество приемлет случайность и игнорирует зависимость от всего конечного? Отчего без мужества никакая жизнь невозможна? Да и вопрос о Боге, – напрямую или прикровенно в разных аспектах затрагиваемый в романе, – не вопрос ли это, в свою очередь, о мужестве? Вопросы – спутники человека разумного на протяжении всей истории мысли.

Роман «ПРОЕКТ 'HYDRA SAPIENCE'» полифоничен.

Любитель приключенческого романа с динамичным и интригующим сюжетом, несомненно, получит удовольствие. Роман «цепляет» с первых фраз, каскад действий героев первого и второго плана, перемещения во времени и пространстве удерживают интерес читателя до последней страницы.

Те, кому важна «документальная основа» в описании процессов генной инженерии, в картинах технических и архитектурных сооружений в пост-катастрофический период истории Земли, рациональное зерно в установившихся хитроумных и подчас загадочных системах социальных отношений, увидят, что автор действует строго в параметрах научно-фантастической достоверности. Причём, делает это талантливо и изобретательно.

Также не обойдён вниманием читатель, ищущий философскую глубину и метафоричность.

И – возраст, автор учёл и эти параметры: различные эпизоды окрашены в соответствующие тональности юмора, притчи, стремительного действия, эротики, пейзажной лирики...

Виртуозная оркестровка произведения со сложным переплетением разно-пространственных и временных сюжетов и литературных стилей порой кажется слишком тщательной. Автор касается темы тоталитарного государства, в широком смысле – любого общества, в котором доминируют негативные тенденции развития.

Если коротко, канва романа – это попытка решения проблемы обезопасить Землю от хаотичных хищнических и милитаристских устремлений человечества путем создания Гидры – земного божества, контролирующего человеческий разум. Если ещё короче, сделать хаос управляемым.

Время и место/места действия «ПРОЕКТА 'HYDRA SAPIENCE'» основательно продуманы и «прожиты» автором. В роли «сумасшедшего учёного», решившего спасти мир – «разобраться со всем этим бардаком!» – явлена женщина, гениальный генетик Верочка. Она удачлива и обаятельна в своей профессиональной одержимости. Некоторая недосказанность в отношении её внутреннего облика и пунктирно намеченная линия судьбы лишь усиливают интерес к героине. В этом можно усмотреть намёк, условное предложение читателю «соавторства», измышлений о предыстории романа, о своеобразном «портрете художника в юности». Почему нет?

Приглашённая в секретную лабораторию Министерства обороны Израиля, пусть и под оком «Моссада», героиня получает карт-бланш в создании разумного биологического существа. Успехи не дают ей повода задуматься о нравственных последствиях эксперимента.

«И благословила Верочка этот седьмой день, и осветила его баночкой холодного „Туборга“, усевшись удобно в своем кожаном троне перед экраном ультразвукового монитора в окружении нескольких сослуживцев и дежурных офицеров, столпившихся посмотреть, как у быстрорастущего эмбриона Гидры пульсируют чёрными пузырьками все три её шестикамерных сердца...»

Когда же у Верочки – «богини-Матери» возникли сомнения относительно блага тотальной зависимости человечества от её детища, существа неограниченных телепатических возможностей и внушения, она уже не в состоянии была что-либо изменить.

В результате планетарного потопа, следствия смещения земной оси, изменения всё же происходят. Возникла новая география и новая островная цивилизация. В ней, спустя столетия после сотворения Верочкой Гидры, разворачивается захватывающее действие.

Цивилизация новая, но стержень её неизменно старый – война. Даже книги да чудом сохранившиеся издания той старой электронно-нефтяной цивилизации, с уже едва заметным гуманитарным мерцанием, даже они служат войне. В книгах прошлого новые изобретатели отыскивают секреты пороха и подводной лодки.

Город воюет с Югом. Государство, общество, семьи – всё содержится войной и всё содержит войну. Солдаты, а это в сущности дети, обречены воевать сами с собой. Прибыв на линию фронта, они вдруг узнают, что они – гладиаторы, а их десятники не командиры им, а надсмотрщики. Гидра так отбирает лучших, а Город извлекает финансовую выгоду, получает от неё золото. Золото за детей, обречённых на «героическую смерть» во славу Города.

Есть в романе герой по имени Пёс, описывающий историю зарождения и жизни Гидры и попутно повествующий о собственной судьбе эмигранта. В «прошлой жизни» Пёс – выдающийся врач-невропатолог в Москве, обожаемый пациентами-детьми, востребованный, с хорошей зарплатой. Словно под воздействием некоей «гидры нейро-лингвистического программирования» он оказывается в «Ковчеге», якобы призванном спасти избранных от прогнозируемого потопа (что-то тысячу человек?), и отправляется в Израиль. Здесь в «новой жизни» он работает сиделкой, меняет памперсы дедушке-паркинсоннику. Непривычно. Но не только это представляется странным для «русскоязычного мозга» героя на исторической родине.

«Запела где-то депрессивным окуджавским голосом заикающаяся пластинка про „До свидания, мальчики! Мальчики, постарайтесь вернуться назад“ и пригрезился вдруг Псу в колонне уходящих на войну пацанов его собственного Малыша крутой затылок и его Малыша широкие борцовские плечи.

(...) Космический холод мгновенно пронзил подсознание и опустил Пса на землю.

Он всегда был чувствителен к теме детей, он всегда был чувствителен к теме войны. И он никогда не боялся за себя, он всегда боялся за всех.

И тогда он понял, почему он обижен на Израиль. Потому что Израиль воюет руками своих детей.

А дети не должны умирать раньше отцов».

Так герой думал уже в «следующей жизни», находясь в Канаде.

Виталий Домбровский обрывает роман в момент, когда повествование начинает принимать законченную форму, когда выявляются смыслы, когда вопросы в силу художественной логики повествования уже готовы превратиться в ответы. Автор даёт понять, что произведение должно строиться как ясная система значений, но само значение может быть уклончивым. Сюжетные переплетения свиваются в намечающийся узор, определить законченную форму которого – дело читателя.

Если коснуться системы значений – архетипов, то образ Гидры вызывает в памяти «Левиафана», сочинение о государстве Томаса Гоббса, философа XVII века. Левиафан – имя библейского чудовища, природной силы, принижающей человека. Философ использует его для описания могущественного государства – «смертного Бога». Находясь в состоянии «войны всех против всех», люди решают поступиться частью своей свободы для того чтобы выжить. Этой свободой они наделяют Государство в надежде, что их естественное состояние, в котором отношения «человек человеку волк» сменится на «человек человеку друг».

Данный архетип у Виталия Домбровского получает творческое развитие за счёт привнесения личностного мотива в образ Гидры. Обязанность быть художественно достоверным принуждает писателя пристально всмотреться в демоническое существо. В мифологическом видении демоны – это антибожественные существа. Они представляют не только отрицание божественного, но и сами, пусть искажённым образом, соучаствуют в силе и святости божественного. Не совсем, правда, по Гёте («Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»), но и недалеко от того. Соучастие Гидры в силе и святости божественного явлено в противостоянии людям. Так она заставляет их быть мужественными в борьбе с ней. А вопрос мужества, как было сказано, это вопрос о Боге, да и собственно о жизни.

В романе Виталия Домбровского различимы и другие архетипы. И это делает честь автору, ибо эффект «знакомый незнакомец» – постепенное распознавание читателем в сюжете или характерах неких параллелей с классикой – одно из любимых занятий читателя.

В этой связи не будет преувеличением предположить, что «ПРОЕКТА 'HYDRA SAPIENCE'» – это роман о дефиците любви. Бог есть Любовь. Верочка – «Богиня-Мать» создаёт Гидру не из любви, а из любопытства, пусть и научного. Женщина не справилась с ролью Творца?

Похоже, это вообще не под силу человеку.

По легенде в Праге во времена Рудольфа II рабби Лёв (1512–1609) из той же глины, из которой был сотворён и Адам, изваял громадного истукана – Голема. Подобно Верочке, героине Виталия Домбровского, которая занималась биопрограммированием Гидры, рабби Лёв также снабдил свой «проект» программой. Он вложил в рот искусственному существу пластинку, тетрагамматон, четырёхбуквенную надпись с произносимым именем Бога. Голем замышлялся для патрулирования улиц. Он мог становиться невидимым и поднимать мёртвых на защиту евреев, спасая их от гонений. Однако вскоре истукан начал убивать мирных жителей. Тогда рабби Лёв уничтожил своё творение, перекодировав программу, заменив надпись «Бог» словом «смерть». Верочка в конце концов решила сделать то же самое с Гидрой и попыталась её отравить сильнейшим ядом, однако чудовище оказалось свёрхвитальным.

Не так поступает Творец, видя, что творение, скажем, деструктивно использует дарованную ему свободу воли и разум. Ведь даже потоп Бог посылал не для уничтожения, а для исправления людей. Любовь, как соучастие, вразумляет, разрушая дихотомию «разума и сердца»,

ведь бессердечный разум – это путь к вырождению. Только «любовь – соучастие» – сможет положить конец войне всех против всех.

*Александр Медведев,
член Союза писателей России, член бюро Секции критики
и литературоведения Санкт-Петербургского отделения СП России*

Пролог

1. Сотворение Мира

«Вначале, конечно же, было Слово и, кстати, не одно, а целый научный труд, долгосрочная программа, обеспеченная правительственным грантом. Денег хватало. Министерство обороны не скупилось, несколько университетов тоже скинулись, иностранные инвесторы раскошались и уже надували щёки в ожидании славы и дивидендов. Работа кипела. На стыке веков участники авантюры уже потирали ладошки в ожидании нового еврейского чуда. Ставки были сделаны и отступить уже было некуда.

В результате Верочка разработала основополагающий Принцип и поставила на его основе свой Главный Эксперимент. Она была мастерица и по части разработки биогенетических принципов искусственной жизнепродукции, и по части всякого рода экспериментов. Но, видимо, на этот раз принцип был сыроват, хаотичен и не вполне последователен, расчёты каждый день пересматривались, эксперимент откровенно затянулся, а деньги вот-вот уже могли и закончиться...

И Верочка, конечно же, вся изнервничалась, расхаживая по лаборатории взад-вперёд, заглядывая поминутно в электронные и атомные микроскопы, копируя данные анализаторов и шпыняя перепуганных сотрудников почём зря.

И душа её была беспокойна.

Но однажды, кажется, это был именно йом-ришон¹, сразу после обеда Верочка обнаружила уникальную синхронизацию цифровых показателей, сразу просветлела, как ясно солнышко, подобрела и приступила к главному таинству.

И подвергла тогда она образец мягкому ультрафиолетовому облучению, и сказала она тогда: „Да будет Свет!“

И стал Свет, и увидела Верочка, что именно этот спектр хорош, и отделила именно этот спектр от более жёсткого и, довольно усмехнувшись, назвала этот спектр „День“, а другой – „Ночь“, а переходные зоны назвала „Вечер“ и „Утро“.

И был День первый...

И сказала Верочка: „Да будет у всего этого оболочка!“

И наполнила Верочка медленно вращающуюся капсулу биоинкубатора запатентованным горячим раствором. И растеклась жидкость в соответствии с заданным вектором вращения, выстлав внутреннюю поверхность шаровидной капсулы, и остался незатопленным свод. И возникла граница между жидкостью и внутренней кремниевой облицовкой свода капсулы, и сформировала таким образом Верочка оболочку новорожденной протосистемы, и потекли и заклубились горячие испарения, где отличалась концентрация влаги под сводом капсулы от концентрации влаги над бурлящей поверхностью раствора. И было так.

И назвала Верочка оболочку „Небо“.

И был Вечер, и было Утро. День второй...

И решила Верочка, что остудит и отцентрифугирует объект и соберёт текущие воды под „Небом“ в одно место, и откроется тогда участок уплотнившегося незатопленного питательного геля.

И было так. И назвала Верочка этот участок геля „Землёй“, а остальной раствор – „Морем“.

¹ Первый день недели. В еврейском календаре – Воскресенье (иврит).

И увидела Верочка, что получилось хорошо. И приказала Верочка лаборанту засеять Землю базовой культурой клеток, чтобы от неё произошли все остальные органопродуцирующие мутанты всех необходимых видов и штаммов и в нужном количестве. И было так.

И распространилась культура клеток по Земле, и произошли от неё все вторичные культуры всех видов, и стали последние производить необходимые вещества органической природы, и убедилась Верочка, что отлично сработано!

И был Вечер, и было Утро. День третий...

И решила Верочка подключить все ультрафиолетовые лампы, вмонтированные в купол капсулы, к запрограммированному таймеру, чтобы чётко разделить День и Ночь, задав таким образом всей протосистеме необходимую цикличность в реально существующей календарной градации. И образовались тогда светила на Небе, чтобы освещать Землю, и было так.

И синхронизировала Верочка оба светила таким образом, чтобы большое, то есть „Солнце“, светило днём, а маленькое, то есть „Луна“ – ночью, и добавила несколько светодиодов мягкого спектра для красоты, обозначив их как „Звёзды“, чтобы отделить светлое время от тёмного, и вообще...

И убедилась Верочка, что и это получилось неплохо.

А на дворе бушевала пустынная буря, пригнавшая с Синая температуру под пятьдесят и красную песчаную мглу. Где-то совсем рядом с институтской проходной погибли бедуины, так и не найдя укрытия в удушливой багряной мгле. Разбились пара машин на скоростной трассе. Но вскоре всё улеглось, и только гигантские шары сухих перекаати-поле повисли на колючей проволоке ограждения, натянутого вокруг института.

И был Вечер, и было Утро. День четвёртый...

И сказала Верочка: „Пора выводить из раствора аэробные протоколонии, и пусть часть из них будет летать с парами под сводом капсулы, а остальные, как и планировалось, заселят гель!“

И добавила Верочка в раствор агрессивный комбинированный катализатор, и загудели панели электромагнитных облучателей. И отделились друг от друга разные виды колоний, и поспешили многие из них на сушу, и заселили они очень быстро плодородный и уже хорошо подготовленный сине-зелёными водорослями гель, и потянулись некоторые из них ввысь и полетели вскоре их споры, подхваченные густыми парами, вверх, и заселили вскоре и те, и другие и „Море“, и „Землю“, и „Небо“.

И увидела Верочка, что вышло опять недурно, и, смеясь, пропела в смотровое окошечко биоинкубатора: „Эй вы, звери, птицы, рыбы! Плодитесь и размножайтесь!“

И был Вечер, и было Утро. День пятый...

И Верочка вдруг вспомнила, что завтра Пятница, вспомнила, что надо бы домой, что именно в этот шабат она обещала позвонить Маринке, та будет ждать её вечером в скайпе. Они давно уже не болтали с подругой, хотя говорить было, в общем-то, не о чем. А скайп в лаборатории не разрешался, и служба безопасности контролировала все компьютеры, в том числе и приносные. Надо бы домой... Да и дочка может заехать в эти выходные... А может и не заехать...

Как ни хотелось домой, но Верочка тем не менее понимала, что завтра никак ей не оставить лабораторию, знала, что делает. Ей не впервой было сутками жить в своём кабинете, и она не могла и не имела права остановить эксперимент.

А что Маринка? Она с кем-нибудь другим всё равно поболтает. Мало ли сейчас народу в сети! Раньше бабки на скамейках судачили у подъездов, а теперь вот – по скайпу тряндят... а дочка – она если и заедет, так всё равно только чтобы денег перехватить...

И занялась Верочка классификацией и маркировкой всех штаммов, и произвела она её достаточно быстро и профессионально, дав каждому штамму имя и идентификационный номер и зарегистрировав их в реестре.

И увидела Верочка, что получилось отлично. И провозгласила, наконец: „А теперь сотворим Гидру, чтобы она сама разобралась со всем этим бардаком!“

И сотворила Верочка Гидру. И Гидра была и мужского, и женского пола одновременно.

И воцарилась Гидра над всем множеством и разнообразием организмов, населяющих её биопространство, и стала она употреблять некоторых из них в пищу, а некоторых приручила для той же цели.

И установилось тогда биологическое равновесие, которое Гидра сама же и поддерживала, и было так. И увидела Верочка, что прошло всё как нельзя лучше, и возрадовалась она результатам трудов своих.

И был Вечер, и было Утро. День шестой...

И приняли тогда все компоненты биосистемы свой цвет и свой окончательный вид. И закончила Верочка эксперимент в седьмой день трудов своих. И прекратила тогда Верочка работать.

И благословила Верочка этот седьмой день, и осветила его баночкой холодного „Туборга“, усевшись удобно в своем кожаном троне перед экраном ультразвукового монитора в окружении нескольких сослуживцев и дежурных офицеров, столпившихся посмотреть, как у быстрорастущего эмбриона Гидры пульсируют чёрными пузырьками все три её шестикамерных сердца...»

– Что это за бредятина? – вдруг спросила у засидевшегося перед компьютером Пса его всегда ласковая супруга.

Она давно уже затаилась у него за спиной, подглядывая, как появляются на белом вордовском поле всё новые и новые строчки.

– Это не бредятина, – обиделся Пёс. – Это «Сверхновый Завет»... «Евангелие от Крылана...»

– От кого? От Крылана? Ну, ты совсем уже притомился! Ладно, зови детей с улицы – будем ужинать. И перестань дуться! Пиши, что хочешь. Только народ не пугай.

Она поцеловала его в ухо и ушла на кухню. Пёс посидел ещё немного. Потом без сожаления перевёл в корзину только что написанный файл и выключил компьютер. Прихватив сигаретку, он отправился в зной городского парка разыскивать детей, которые давно уже должны были прийти сами, но, конечно же, не соизволили.

Проходя мимо синагоги, у ворот которой трое по-стариковски серьёзных ультраортодоксальных юношей сгружали со старенького фиата аккуратные перевязанные стопки книг, Пёс подумал вдруг: «А ведь действительно – бредятина! и зачем я всё это пишу? Тем более что всё уже написано до меня... А Верочка – она, конечно же, в своём роде Создатель, а Гидра – вроде как первочеловек... возомнивший себя богом... Но зачем я трачу время, выкладывая всё это на бумагу? Ведь и читать-то, наверное, никто не станет! Вот этим ребятам, например, и так всё давно ясно – читают одну и ту же книгу круглый год, дочитают – И заново начинают. В ней всё для них уже написано, вся их история и всё их будущее. Для них время остановилось. Его у них как бы и нет. А мне-то что делать, мне-то как за ними угнаться? и вообще, куда мне продвигаться? Назад к воспоминаниям или вперед к вечности...»

Поравнявшись с фиатом, Пёс узнал в одном из ортодоксов сына соседей с третьего этажа. Давно его не было видно, в прошлом году уехал в Бейт-Лехем в ешиву². Наверное, на выходные заехал к родителям.

– Ма нишма, Шломо?³

² Еврейское высшее религиозное учебное заведение (иврит).

³ Как дела, Шломо? (иврит).

– Аколь беседер. Ма шлом ха?⁴ – отозвался юноша. Щёки Шломо уже закудрявились, он подрос на голову, и уже стал похож на юного старичка. Так почему-то выглядели все ортодоксальные юноши в своих чёрных шляпах.

Пёс вспомнил, как ещё в прошлом году Шломо гонял мяч на пустыре с ещё одним парнем постарше, забыл, как его имя, и другими пацанами поменьше. Малыш, непоседливый сынок Пса, тогда ещё не мог играть с такими большими мальчиками и был беспредельно счастлив хотя бы смотреть на их игру и приносить им всё время улетающие мячи. Шломо ушёл учиться в ешиву, а парень постарше, он был из соседнего дома, ушёл два месяца назад в армию. Две недели назад он погиб в Ливане. Может, Шломо не знает?

Пёс хотел было опять заговорить со Шломо, но другой подросток подхватил тяжёлую перевязь книг, Шломо бросился ему помогать, и они засеменили к входу в синагогу.

Пёс дошёл до парка и не успел ещё осмотреться и открыть рот, как оттуда, оглашая окрестности весёлыми воплями, выпорхнули к нему навстречу два его взъерошенных ангела – один на самокате, другой на велосипеде.

– Куда вы запропастились? – как всегда поругал двойняшек ворчливый Пёс. – Мама ужинать зовет.

Малышка просвистела мимо, бросила с размаху самокат у подъезда и унеслась вверх по гулкой лестнице, звонко тарабаня сандалиями. Малыш ещё крутанулся по двору, прокричал «Тизаэр!», что на местном языке обозначало «Поберегись!», зарулил прямо в подъезд и, отбросив велик в сторону, последовал за сестрой.

– Вот банда... – довольно пропыхтел Пёс им вслед. Затушил окурок и шагнул в показавшийся после уличного зноя упоительно прохладным подъезд.

⁴ Все в порядке. Как ты? (иврит).

2. Сотворение Гидры

«...Гидра родилась в пробирке. Она, конечно, ещё не знала, кто её мать, кто её отец, кто она сама. Собственно, она не родилась, а зародилась, как и всякая другая жизнь, из яйцеклетки, но в её случае – искусственно оплодотворенной. Тоненькая стеклянная наноканюля осторожно проткнула мембранную оболочку и впрыснула внутрь перепуганной человеческой яйцеклетки наглый активизированный сперматозоид, не имеющий ни рода, ни племени, его хромосомный набор содержал специально смоделированный уникальный генетический код, набранный как бусы из тысяч отдельных геномов различных живых существ, населяющих эту грешную землю. Как говорится, с миру по нитке – голому рубаха!

И чего тут только не было: от кольчатых морских червей до синих китов, от фотосинтезирующих простейших до кенгуру и высших приматов. И все-таки Гидра была дитя человека, давшего ей материнство, и примитивного беспозвоночного *Hydra vulgaris*, давшего ей базовую модель органогенеза, так ловко вплетенного людьми в пёструю цепь геномов. Но главным коньком программы стал, конечно, ген человеческого голоса, координирующий работу голосовых связок, языка, мимических мышц, гортани и подкорковых ганглиев, отвечающих за речь, – ген FOXP2. И этот ген хитроумные инженеры связали с геном телепатии и интуиции.

Вот будет забава-то! Если, конечно, получится...

И вот слияние произошло – оболочка сперматозоида растворилась, ядра сосватанных клеток сблизилась, и хромосомы немедленно принялись за свою волшебную ювелирную работу – считывание генетических кодов. Virtuозный обман завершился абсолютным мужским триумфом, ведь хитрый сперматозоид содержал в своих хромосомах абсолютно идентичный человеческому набор геномов, и, чёрт возьми, именно в тех местах, по которым яйцеклетка и должна была распознать своего нежданного жениха!

Хромосомы двух клеток устремились навстречу друг другу, приспособиваясь, притираясь, будто в брачном причудливом танце, формируя некий единственно правильный и только им понятный узор.

И вот, когда состыковались как ключики с замками тысячи молекулярных кодов, и клеток стало не две, а они уже стали чем-то единым, неким целым и, на первый взгляд, неделимым, – вот тогда-то и началась та самая долгожданная репликация, которая присутствующих при этом в лаборатории наблюдателей привела в неописуемый восторг, а человечеству в целом приоткрыла занавесочку в новую, полную страшных тайн и неожиданных приключений эру.

Только глупое человечество об этом ничего ещё не знало...

Десятки глаз наблюдали за этим таинством через экраны компьютерных мониторов, подключенных к электронному микроскопу. Они видели, как оплодотворенная яйцеклетка, пожирающая питательные вещества из окружающего её бульона, стала перегонять тысячи и тысячи молекул вдоль чудесных извилистых нитей свернутых в спирали дезоксирибонуклеиновых кислот, как она стала расти, разбухать, полнеть, как она заходила вся ходунном.

Пошла работа!

Переполненная яйцеклетка вскоре непомерно раздулась, растянулась по полюсам, удвоенный набор теперь уже полностью укомплектованных хромосом вдруг стал распадаться – это хромосомы-близнецы разлучились и устремились в противоположные стороны, утягивая за собой окружающие структуры клеточного ядра.

Всё по плану, всё в соответствии с программой!

Ядро стало вытягиваться, вскоре вытянулось непомерно и вдруг лопнуло надвое, влекомое неодолимыми силами к всё более удаляющимся друг от друга полюсам клетки. Одновременно умная мембрана материнской клетки перетянула сама себя пояском, который сразу же стал утягивать её талию по экватору и вскоре утянул до нуля.

Бац!

Мембрана сомкнулась, явив миру две молодые новые клетки, уже готовые к следующему раздвоению. Процесс пошёл...

Пролетели считанные часы. Крошечную Гидру, состоящую уже из нескольких десятков клеток, переселили в биологическую капсулу, населенную микроорганизмами, часть из которых Гидра должна была абсорбировать и включить в свой органогенез. Крошечный островок оккупированного Гидрой нефтенасыщенного геля Верочка называла Раем, а саму биокапсулу – Землей. Она даже в документах назвала это чудо биотехнологического дизайна – Адама, что на иврите и означало „Земля“.

Сотрудники за спиной подтрунивали над ней, но, несомненно и глубоко уважая эту талантливую странную женщину, не решались шутить напрямую. Да и не до этого всем было – слишком серьёзной была у лаборатории задача, слишком секретным был проект, слишком большие зарплаты они тут все получали, слишком прозрачными были контракты, подписанные всеми участниками проекта и обслуживающим персоналом, и слишком уж добрыми были лица работников Масада, нескрывто наблюдающих за работой лаборатории. Какие уж тут шутки!

А что касается Верочки, то многим даже как-то жутковато было наблюдать, как эта без году неделя оля хадаша⁵ заправляет в лаборатории, да и во всём институте, и без проколов и строго по расписанию создает из хаоса новый мир.

Время не остановить, время и есть Бог, и каждый знает, что всё течёт и всё изменяется.

Персонал менялся каждые шесть часов, и только Верочка спала на работе и даже во сне контролировала процесс.

Через месяц пребывания Гидры в биокапсуле подросший и насытившийся райской жизнью протоэмбрион, больше похожий на личинку гигантского насекомого, оторвали от райских куц и имплантировали в настоящую, живую, пульсирующую горячей кровью матку тщательно подготовленной кобылицы.

Суррогатная мать перенесла эту простейшую процедуру совершенно спокойно. Она даже и не подозревала, кого она теперь вынашивает, и вскоре уже прогуливалась безмятежно в своём загоне, радовалась свежему сену, овсу и вкусной сочной траве без добавок гормонов и антибиотиков, привозимой специально с Голанских высот. Лишь изредка она прислушивалась к тайным движениям в собственном чреве и далёким хлопкам кассамов⁶, прилетающих всё чаще по ночам из Газы и падающих на приграничный Сдерот.

Гидра росла стремительно. Подглядывая за ней с помощью микротелекамер, имплантированных в свод кобыльей матки, люди с удовлетворением наблюдали чудесный рост органов и тканей, фиксировали всё до мельчайших подробностей, радовались ей, как собственному долгожданному ребёнку...

Гидра родилась ранней весной. За окнами лаборатории, буквально в нескольких метрах от гудящей под напряжением и ошетилившейся колючей проволокой ограды, расцвели в одну ночь мириады нежных крокусов, укрыв каменистые пустынные холмы сиреневыми, розовыми, голубыми и белыми коврами. Малышку с нетерпением ждали. Заботливые руки подхватили её скользкое тело, пересекли пуповину и заварили её лазером.

Прощай, тьма! Здравствуй, свет!

Воздух обжёт легкие, и маленькая Гидра запищала что есть мочи. В то же мгновение воздух обжёт и её розовые жабры – Гидра выпустила порцию защитной коллоидной слизи и быстро сомкнула их липкие щели, с рефлексамми у малышки было всё в порядке.

Её перенесли в кювет с мутной белёсой жидкостью и стали обмывать. Ох, до чего же это было приятно! Она перестала пищать и удовлетворенно засопела, чувствуя, как наполняется

⁵ Вновь прибывшая, иммигрантка (иврит).

⁶ Реактивных снарядов.

новыми силами, – поры её кожи уже всасывали питательные вещества из омывающего их раствора, а зеленоватые чешуйки на плоской голове уже поглощали лучи ламп дневного света, ярко освещающих лабораторию, – Гидра уже росла.

Одновременно в её мозгу появилась первая мысль, и это была не её собственная мысль, а мысль коллективная, случайно считанная с потока мыслей заботящихся о ней людей. Она повторяла её многократно, играясь, гоняя туда-сюда, не понимая ещё её значения. Вскоре ей это надоело, и Гидра напряглась, прислушиваясь к осязаемому ею присутствию множества чужих мыслей, силясь схватить что-то новое, как можно больше нового из всего этого мозаичного лептонного потока. О, это было так интересно! Она увлеклась этим, продолжая расти и уже выделяя первые экскременты.

„Удача, какая удача! Нам удалось! Но какая все-таки мерзость! Чудовище! Новый грант нам теперь обеспечен! к чёрту грант – это же настоящий переворот в науке! а может, и в политике! Во всём! Кто-нибудь сменит раствор? Смените скорее раствор! Аккуратнее, болваны! Уберите отсюда руки – это же глаза!“ – Гидра жонглировала этими мыслями, росла и чувствовала себя превосходно.

„Почему у неё розовеют складки, что это за пятна? Может, это ожоги? Возьмите пробы крови! Да, да, развернутый анализ! Нет, не отсюда же, не отсюда!“

Новорожденной подключили датчики – весело заплясали на мониторах кривые энцефалограммы и три разноритмовых кардиограммы всех её трех автономных сердец.

Электронные весы отметили значительную прибавку в весе – за один час на шесть с половиной процентов, а ведь её ещё не кормили! Няньки и к этому были готовы – меняли раствор в кювете, уже опустили в зияющее отверстие беззубого рта кусочек желеобразного питательного бульона, разработанного биохимиками в институте Бен-Гуриона из низкооктановых нефтепродуктов.

„Готовьте большой бассейн!“ – сканировала Гидра чьи-то совсем ещё не понятные мысли.

На её брюхе, под нежной бахромой кожных складок, уже начала пузыриться и раздуваться плотная желтоватая субстанция, вскоре образовавшая гроздь спаянных между собой толстостенных непрозрачных пузырей, неукротимо увеличивающихся в размерах. Человеческие руки в тонких резиновых перчатках начали осторожно щупать это образование, поглаживать его, ополаскивать тёплым бульоном.

„Вот оно – наше сокровище! Уже растёт! Уже растёт! Да как быстро! Введите в пузырь эндоскоп! Осторожно! Дайте, дайте – Я сама! Это же её гонады! Гонады! Органы воспроизводства! Всё идёт по моему плану!“

На этот раз Гидра почувствовала какое-то волнение, чужие мысли быстро приобретали окраску. Эмоции впервые посетили Гидру, окрасили лептонный поток. Гидра увлечённо пыталась разобраться в хаосе чужих мыслей, ей это нравилось и уже почти удавалось.

„А где у неё глаза? Это! Нет, это рудименты! Когда она откроет глаза? Ушей тоже нет? Чего ты психуешь? Всё по программе! Она не должна ни видеть, ни слышать в привычном для нас понимании! Да, но странно как-то, так это странно...“

На этот раз Гидра поняла, что все эти мысли относятся к ней. Как это здорово, как интересно!

Гидра выросла.

Она издала невнятный звук, больше похожий на шипение. „Тише! Тише! Может, она собралась говорить? Какой же ты все-таки болван! а вдруг? Вдруг не бывает – она не должна говорить. У неё даже нет правильного голосового аппарата, во всяком случае такого, как у нас. Речевые геномы у неё только для распознавания наших слов. Давай посмотрим! Не сейчас, не сейчас...“

Гидра прислушивалась сама к себе и к тому, что она слышала извне. Потом, медленно выдохнув, она снова пошипела, побулькала и затихла. Каких только мыслей она не уловила

в этот момент! Но главным была их окраска, она ощутила их эмоциональный фон, но на этот раз уже как-то отстранённо, параллельно собственному настроению.

Теперь она поняла окончательно, что именно есть чужое, а что – её собственное, она ощутила самоё себя. И смогла чётко выстроить параллельные смысловые коридоры – для своих мыслей и эмоций – И для внешних, чужих. Это было так волнительно! Гидра действительно выросла.

Её аккуратно перенесли в великолепно технически оснащенный бассейн с фильтрами, терморегуляцией, множеством датчиков.

Пузыристая часть её тела уже занимала значительный объём и не останавливалась в своем росте. Количество пузырей не изменялось, но все они росли, увеличивались, поверхность их постепенно превратилась в ворсинчатую бахрому. Телекамера, введенная в один из пузырей через тончайший катетер, показывала и внутренние метаморфозы – жидкость, изначально наполняющая пузырь, теперь всосалась, уступив место газу, внутренняя поверхность стала абсолютно гладкой и упругой. Грозди этих пузырей вскоре покрылись общей оболочкой, на поверхности которой вдруг стали образовываться и быстро расти отростки, напоминающие щупальца или сенсорные антенны.

„Если ты нас всё-таки слышишь, дай нам какой-нибудь знак!“

В этой мысли Гидра почувствовала и приказ, и относящуюся к ней страстную просьбу. Ну что ж, если кому-то так этого хочется, надо ответить.

Она шумно втянула в многочисленные ноздри воздух и пронзительно завизжала, чувствуя всем телом вибрацию собственной глотки. Контакт состоялся!

Звук этот был записан десятками микрофонов и увековечен в истории как первые звуки первого искусственного разумного существа.

„С днем рождения, дорогая!“ – услышала она чью-то переполненную радостью мысль и поняла по спектру эмоций, кто именно это подумал. Гидра тихонько взвизгнула, а про себя, мысленно, ответила: „Я тоже очень рада тебе, мама!“

Верочка выронила ультразвуковой датчик и медленно опустилась на пластиковый стул. Датчик нырнул в бассейн и повис на шнуре. У всех присутствующих в этот момент немного закружилась голова, но на фоне всеобщего волнения никто не обратил на это особого внимания. Зато они теперь понимали, что произошёл первый лептонный контакт, что человечество вступило в эру телепатических отношений, но ещё не знали и даже не могли предположить, что это навсегда изменит ход истории и определит судьбу существующей цивилизации.

Сейчас им ещё было не до этого. Они создали новое разумное существо, оно живёт, и оно уже общается с ними! Начинается новая эра! Проект „Hydra Sapiens“ состоялся!»

– Гид – ра... – по слогам прочитала Малышка, заглядывая через плечо. – Папуля, а что ты пишешь?

– Да ничего, доча... Так... Всякую ерунду...

– Как это ничего? Ты ведь что-то пишешь?

Она думала, что она уже взрослая, и от неё не так-то просто будет отвяжаться.

– Отстань от папы! – вмешался Малыш, который в это время безуспешно пытался накачать испорченным насосом сдувшееся колесо велосипеда. Ему было тяжело, он явно был не в духе, и сестрёнка подвернулась ему теперь очень кстати.

– А я уже почти дописал, – сообщил им Пёс примирительным тоном.

– А что именно ты уже дописал? – не унималась Малышка.

– Книгу.

– О чём? – хором продолжали допытываться дети.

– Не знаю.

– Как это ты не знаешь? – стала заводиться Малышка.

– Вернее, знаю, но не могу тебе объяснить.

– Ну, папа!

Малышкины глаза округлились и превратились, как всегда, в огромные сияющие фары – в ней загорелось любопытство.

– Ну, доча! – несмело парировал Пёс.

– Ну о чём твоя книга? – Малышка, конечно, уже кривлялась, но отступить не собиралась, не такая она отступательная девчонка!

– О тебе! – заявил тогда Пёс и с удовольствием стал наблюдать, как ещё больше увеличиваются эти огромные карие глаза, как взлетают вверх эти прекрасные бровки, как удивлённо поднимаются эти худенькие острые плечики, чтобы выдохнуть, например: «Обо мне? Не верю!»

– Обо мне-е-е? Не верю!

– А тут и верить нечего.

– Только обо мне? – теперь уже с явным деловым интересом переспросила Малышка, внимательно вглядываясь в текст на экране, словно пытаясь угадать в этом небольшом отрывке романа своё имя или высмотреть среди таких, к сожалению, почти чужих для неё русских букв и слов какое-либо упоминание о себе. Она просто в восторге. Она заинтригована!

Малыш, конечно, бросил уже свой велосипед и оказался рядом.

– А про меня написал что-нибудь? – спросил он недовольным тоном.

– И про тебя... И про себя, и про мамулю... Про нас, про всех... Про всех людей.

– А это что, сказка?

– Конечно, сказка!

– А у неё хороший конец?

– Отличный!

В дверях вдруг провернулся ключ, Питюнька залился радостным лаем и бросился к дверям, и даже ко всему обычно безразличная Мурка соскочила с кресла, лениво последовав за ним, всем своим видом, однако, показывая, что это только жест вежливости.

Мама, уставшая и счастливая, вступила на порог и сразу, развернувшись боком, чтобы защитить свой острый беременный живот от приближающихся близнецов, сообщила поднимающемуся из-за письменного стола Псу:

– Тась, у нас будет девочка. Даже фотки дали с собой. Такая хорошенькая! в Канаду сейчас не полетим. Родим здесь, а потом уже всё доформи́м и переберёмся. Так есть хоч, поставь чайник, Тась!

...Вечером опять бомбили Наарию.

Пёс полез в стол, ещё раз перебрал все документы, которые пришли из канадского консульства. Подержал драгоценные бумаги в руках. Ещё один год протянуть... Вот так задача!

В голове опять замелькали цифры постоянно растущей машканты⁷, счетов за электричество, мобильники, интернет, кабельное телевидение, страховки... В них вклинивались телевизионные сообщения о терактах вперемешку с бесконечным израильским политическим поносом...

Когда все спали, Пёс снова включил компьютер, создал отдельный текстовый файл, посидел немного, покурил, выпил полбанки пива и, почти не задумываясь, как будто всё уже заранее было приготовлено в его голове для изложения на бумагу, стал печатать.

⁷ Машканта – ипотечная ссуда (иврит).

3. Сохранено в папке «Private» 19 июля

«Миллионы лет на нашей планете развивалась жизнь – венец творения, уникальная форма существования материи, которая может воссоздавать самоё себя в точности до мельчайших подробностей, развиваться, эволюционировать. Жизнь – это противоположность нежизни.

Любая неживая материя, однажды структурно организовавшаяся, имеющая форму и предназначение, тем не менее неизменно стареет, разрушается и гибнет. И больше не повторяется. В противоположность ей Жизнь продолжается, стремясь бесконечно к совершенству, воплощаясь в бесчисленном многообразии биологических видов, самым успешным из которых на сегодняшний день является Человек разумный.

При этом Человек разумный, несомненно, не является конечным продуктом эволюции и уж тем более самым разумным её продуктом. А сама эволюция есть, бесспорно, лишь промысел Божий, и в этом смысле невозможно и бессмысленно пытаться втиснуть в календарные или циферблатные рамки время и сроки эволюционирования простейшей клетки в Человека разумного. Во временном континууме Всевышнего это, возможно, какое-то неосязаемое мгновение, не поддающаяся шкалированию частичка времени, его бесконечного бытия и неутомимого созидания, а мы и весь наш мир – просто микроскопическая часть его замысла, великого и непостижимого.

И глупо отрицать теорию эволюции Дарвина, она совершенно не исключает Божий промысел. Просто Дарвин, будучи человеком неверующим и заземлённым, рассмотрел всё живое и явил миру свою „Теорию происхождения видов“ в соответствии со своими ограниченными возможностями. Как юный ботаник в коротких штанишках с восторгом рассматривает в лупу лепестки волнующе-синего цикория и укладывает между плотных шершавых страниц гербария сорванный цветок, не на секунду не задумываясь о том, что было ДО и что будет ПОСЛЕ, так и Дарвин по-своему гениально описал для нас и попытался вписать в собственную систему окружающее нас разнообразие живой природы, мир живых существ, вершиной которого, по крайней мере, как нам кажется, является Человек разумный.

Но кто знает, может быть, миллионы лет назад уже существовали какие-нибудь Динозавры разумные или Лемуры разумные, а ещё через миллионы лет будут существовать какие-нибудь Летучие Мыши разумные или целые Планеты разумные!

Много уже про это понапридумано и понаписано фантастами. А уж сколько фильмов про это снято – наверное, больше, чем книг.

Однако все мы живём сегодняшним днём, и так устроено, что мы помним о своём прошлом только благодаря сохраняющимся материальным свидетельствам нашей человеческой истории, помним только то, что удалось запомнить, помним только малую часть того, что с нами происходило, ну а заглянуть в будущее не можем и подавно. И в этом таится великая опасность. Большинство из нас, я имею в виду человечество как социум, словно малые дети, даже и не думают о каких-то там болезнях, а тем более о Конце.

А действительно – что с нами может случиться?

Более того, мы, как сексуально озабоченные подростки, у которых физиологически приглушены и ещё не развиты функции планирования и выполнения запланированного, безудержно гонимся за удовольствиями и развлечениями, даже не пытаемся представить себе, а что же будет завтра.

А ведь Завтра неизменно наступает, и каким оно будет для нас, зависит тоже только от нас.

В нашей социосфере уже были войны, вся наша история – это история войн. В нашей истории уже были и существуют по сей день сменяющие друг друга, противоборствующие или взаимодополняющие друг друга религии и культы, обычаи и традиции.

Но в нашей истории, слава Богу, по крайней мере, в истории обозримой, ещё не было опыта тотального и необратимого самоуничтожения.

Ну что ж, всё когда-то бывает в первый раз! Мы очень стараемся этот опыт приобрести! Мы трудимся в этом направлении денно и ночью.

С одной стороны, мы пытаемся познать самую большую тайну жизни и научиться перекраивать генные структуры, нагло стремясь сместить Создателя с его пьедестала творца, мол – подвинься, ты здесь не один! а с другой стороны, мы так увлечены постижением тайн неживой природы, что нам уже мало познать атом, мы, чёрт возьми, должны его обязательно расщеплять!

Глупцы, мы забыли, что мы – всего лишь часть биосферы этой прекрасной планеты. А всё живое на этой планете, мы все – ползающие и плавающие, прыгающие и летающие, ходящие и бегающие, радующиеся и грустящие, голодные и сытые, охотящиеся и прячущиеся, любящие и ненавидящие, рождающиеся и умирающие – все мы состоим из одних и тех же аминокислот и устроены, в принципе, одинаково. Потому что нас создал Творец...

Увлечшись генетикой и кибернетикой, ядерной физикой и гламурной лирикой, финансовыми махинациями и политическими манипуляциями, мы, бесшабашные, даже не заметили, как в подвалах наших социальных лабораторий уже родилось чудовище, которое только на первый взгляд кажется примитивным безобидным существом.

Да, именно мы сами создали Hydra Sapiens, беспощадного монстра, уже бросающего сотни своих детей в жертвенное пламя ненависти и религиозного фанатизма, уже протянувшего свои щупальца к самым дальним уголкам планеты, уже контролирующего целые города и страны. Это мы, мы сами отдали чудовищу на заклятие лучший из своих народов, народ-труженик, народ-миротворец, народ-созидатель.

И это мы, со своими „авосями“ и „небосьями“, со своими псевдодемократиями и безответственными правительствами, позволили этой Гидре разослать и расселить по всей планете своих резидентов и шпионов, запустить повсюду свои щупальца, оккупировать целые города и страны.

И если мы не опомнимся, именно эта Гидра когда-нибудь уничтожит нас всех, испепелив огнём священного джихада наши жилища! и останется одна ликовать в сознании собственного величия, в ненависти к бесконечному разнообразию в природе, к Человеку разумному и его пресловутой цивилизации. Останется упиваться своей исключительностью, ненавидя всё непохожее, всё прекрасное, пожирая камни, сося чёрную земную кровь, запуская свои ядовитые щупальца во все уголки планеты, рассылая по всей земле своих тренированных саррацинов, уничтожая Жизнь и Любовь и созидавая только самоё себя.

И имя той Гидры будет Религиозный Фанатизм.

Если мы не опомнимся...»

Пёс запомнил файл и пошёл на балкон. Дети спали, жена спала, и дремал, отдыхая от дневного изнуряющего зноя прекрасный прибрежный город. Пёс подумал, что слишком много курит, но с удовольствием закурил. В голове мелькали какие-то странные картинки из сегодняшних телевизионных новостей – пяти-шестилетние мальчики с зелёными повязками на лбах с перекошенными ненавистью детскими личиками и с автоматами Калашникова наперевес, сожжённые израильские флаги, разрушенная ракетным ударом школа в Наарие, похороны задавленных на автобусной остановке палестинским водителем-террористом подростков-солдат...

Пёс затревожился, загасил окурочек в пепельнице и отправился в спальню к детям.

Те мирно спали в своих кроватках. Малыш – как всегда поперёк постели, разметав простыни и подушку в разные стороны, Малышка – как принцесса, мирно сложив ручки на груди, покрытой простынкой, и улыбаясь.

Пёс подумал, что до 18-ти лет, то есть до армии, деткам ещё почти десять лет. А за это время может быть что-то измениться и во взаимоотношениях с соседями, да и в мире в целом. А потом он вспомнил, что уже оформляет легальную иммиграцию в Канаду и рано или поздно увезёт детей из этого цветущего рая на другую сторону планеты.

«Ну и слава Богу», – подумал Пёс с облегчением и разулыбался.

Он вернулся к компьютеру и переименовал временную папку «Private» в «Разное от Пса, посторонним не читать»..

«А кто здесь посторонний? – Оглянулся он вокруг и усмехнулся. – Может, кошка Мурка?»

Перед тем как осторожно приподнять простыню и скользнуть к жене под блочок, Пёс вдруг подумал: «А почему я себя считаю Псом? Почему я сам себя всегда отождествляю с собакой? Наверное, потому что я ВЕРНЫЙ... А кто может быть вернее собаки? Только другая собака». Положил голову на подушку и мгновенно заснул.

Часть первая. Воины и Возницы

1

– Брось меня в подвал, – на этот раз он услышал в её голосе и страх, и мольбу. Это ещё больше разозлило старика, всё перепуталось в его голове.

Обоз возвращался с передовой. За полночь, в белом свете луны вверх по склону каменистого холма, скрипя и постанывая, ползли гружёные телеги.

Обычная картина: сизые пятки, скрюченные пальцы, чёрные пятна крови. Возницы спешили, они негромко, по-деловому подгоняли лошадей, придерживали на уклонах телеги, иногда поправляя сползающее с трупов тряпьё.

Почти прибыли.

Пикет на Воротах Славы расступился, с грохотом ушла вверх кованая решётка. После короткой проверки документов обоз вошёл в Город и отправился по нужным адресам – развозить павших.

Колонна постепенно развалилась, от неё отделилась группа всадников с собаками, две крытые повозки, платформа с бочкой. Телеги: то одна, то другая – сворачивали с Центрального проспекта в боковые улочки и переулки и расплзались по гулким булыжным мостовым, разрывая сонный покой скрепучим стоном деревянных колёс.

Время как будто остановилось. Вот оно – утро нового дня, вот они – рядовые события этого славного Города.

Картина привычная и тривиальная, повторяющаяся в деталях и не достойная особого внимания.

Возницы не спеша останавливаются у подъездов, возятся с телегами или попросту дремлют, дожидаясь положенного часа, когда кто-нибудь выйдет из дома, отопрёт ставни подвального окна и опустит в него деревянный желоб, обычно пристегнутый цепью к металлическому кольцу на стене дома.

Когда уже всё подготовлено, Возница отмечает что-то в потрепанном реестре, рулоном намотанном на деревянную ось, и сбрасывает труп в подвал, из которого обычно слышится писк потревоженных крыс. Изредка, бывает, одна из них выскочит прямо по желобу и помчится вдоль по улице до ближайшего сточного колодца.

В подвалы некоторых домов сбрасывают иногда два или даже несколько трупов. Если больше одного, то они, как правило, чем-то похожи друг на друга – все-таки братья. Некоторые – В доспехах, некоторые – В исподнем, иногда вообще голые. Страшные раны, колотые и рубленые, зияют на мускулистых телах. Всем им на вид от двенадцати до пятнадцати.

Возница, заканчивая работу, выписывает квитанцию и передает её кому-нибудь из принимающих. Обычно это девочка-подросток или женщина, как правило, беременная, обязательно в траурном голубом переднике и с белой перевязью на запястье. Принимающая обычно производит опознание и расписывается в Возницинном реестре. По окончании процедуры тщательно закрывается подвальное окно, а желоб ополаскивается мыльной водой и пристраивается на прежнее место вдоль стены. Возница проглатывает поданный ему стаканчик вина, прощается и уезжает. Женщина вывешивает на специальный крюк у двери бело-голубой полосатый флажок и уходит в дом, где ее ждут дела и многочисленные члены семейства.

В некоторых домах Возница вместо тела передает Семье только справку, в которой отмечено, что тело геройски погибшего Воина захвачено врагом и Семье разрешается произвести процедуру формального захоронения в отсутствие трупа, но зато со всеми соответствующими почестями. И так далее...

У последнего подъезда Возницу обычно уже с нетерпением поджидают – ночь кончается, небеса светлеют, приближается время рассветной молитвы и завтрака, и все, конечно же, хотят побыстрее закончить и собраться к столу. Да и Возница устал, а ему ещё нужно добраться до дому и первым делом отдраить перепачканную телегу, чтобы полчища мух не собирались на ней в течение жаркого дня.

А ещё надо выпрячь лошадь, накормить и напоить её и потом уже самому есть и спать. Бывает и так, что телегу вообще уже никто не ждет – рассвело, наступило время завтрака, из открытого окна второго этажа слышатся звуки флейты, рожка или гитары, и тянется к носу и животу валящегося с ног служаки одуряющий запах свежесваренного кофе и свежеспеченной сдобы.

Возница тогда сам совершает все манипуляции, наскоро ополаскивает желоб из оставленного у стены ведра и подсовывает под дверь квитанцию с печатью Горсовета. В следующий раз можно захватить и получить недостающую подпись и, само собой, щедрые чаевые, что не возбраняется, хотя и не по инструкции. За усердие, за неудобство.

По квитанции Семья погибшего Воина будет получать в Горсовете стандартную пенсию, таким образом, чем больше в семье погибших героев – тем больше достаток.

Уже пьяненький, подстегиваемый мыслями о собственном очаге, изголодавшийся на сухом пайке за два-три дня похода, Возница уже не плетется, а прямо-таки летит по мостовой, громыхая коваными колесами. Пустая телега подпрыгивает, изредка из нее вываливается тряпка-другая. Первые прохожие сторонятся, жмутся учтиво к стенам домов, провожая завистливым взглядом этого важного горсоветовского работника. Фонарщики с длинными шестами, к концам которых прикручены перевернутые колпачки, гасят по всему городу свечные фонари.

И вот уже на улицах Города, кроме траурных бело-голубых флажков на подъездах, ничто не напоминает о войне – телеги чисто вымыты и спрятаны в подворотнях, тряпки, кое-где упавшие с них, подобраны Дворниками и отправлены в мусорные корзины, которые скоро будут вывезены и сожжены на окраине. Заспешили по своим делам горожане, поливаются из леек газоны и цветы в ящиках; изо всех окон слышна музыка, спокойная и ненавязчивая, как предписано Законом о городском укладе... Музыка, цветы, музыка, цветы...

А никто и не против, все даже очень довольны, ведь содержание Музыкантов обходится не так уж и дорого. Тем более что их не обязательно кормить так же хорошо, как, например, Воинов, за которых Правительство щедро платит семьям, – чем больше Воинов в Семье, тем она зажиточнее.

Дело упрощается ещё и тем, что многие Семьи Музыкантов вообще не покупают, а воспитывают их из собственного потомства, забравывая самого слабенького из рождающихся мальчиков, – такой не пригоден к военной службе и особой выгоды Семье всё равно не принесёт.

Всё вполне законно, и это, несомненно, гораздо дешевле, чем покупать ребёнка на стороне. Доктора для экспертизы и подтверждения слабого здоровья младенца вызывают из Городского отдела здоровья. Ошибка, конечно, не исключена, и Правительству, естественно, было бы невыгодно, если бы мальчик, из которого можно было бы вырастить Воина, стал Музыкантом, однако в последнее время уродцев и больных детей рождается всё больше, и Докторам нет смысла лукавить даже за большие взятки, подписывая сертификат о воинской непригодности очередному хилому новорожденному.

На забракованного таким образом сына средств уходит гораздо меньше, кормят его очень скудно, мяса вообще не дают. Растёт он, конечно, слабым, а значит, более впечатлительным и в принципе более приспособленным именно для работы Музыкантом. Обучение его, слава Богу, вообще ничего не стоит, оно начинается с трех лет и проходит вне стен дома – В музыкальном классе при Горсовете, куда его регулярно водит кто-нибудь из прислуги. К семи годам, когда Воины, например, переселяются жить в казармы и приходят домой только в выходные дни, Музыканты тоже уже вполне сносно владеют специальностью и, как предписано Горсоветом, в светлое время суток радуют домочадцев чудесными звуками музыки, отчего и жить веселей, и заботы не так гнетут.

То же происходит и с прислугой – Кухарок и Прачек воспитывают из собственного потомства, когда рождаются девочки. В зажиточных Семьях, особенно, если Бог милостив и родятся по большей мере мальчики, прислугу иногда покупают на стороне. Прислугу кормят традиционно хорошо, ведь она должна много и тяжело работать, однако и это зависит от количества Воинов в Семье.

А Воины – это цвет нации, им отдаётся самое лучшее. В целом члены Семьи достаточно дружны между собой, все прекрасно понимают: не будет Воинов – не будет достатка в доме.

Не только приличные пособия, выплачиваемые Горсоветом на каждого живого Воина, не только пенсии, которые Семья получает в течение года после его геройской и неминуемой смерти, но и почёт и уважение горожан, а также непосредственное участие Воинов в жизни Семьи и всего Города ставят их на привилегированную ступеньку общества.

Все остальные это понимают и воспринимают как собственное благо...

В перерывах между тренировками и учебными боями, в выходные дни и во время праздничных каникул Воины активно участвуют в жизни Семьи – тренируют младших братьев, которые ещё не переселились в казармы, возятся по дому, что-то ремонтируют, помогают Отцам в коммерции, устраивают семейные дела.

Но никогда, в час отдыха или тяжелой работы, Воины не пропускают военную молитву, в которой они клянутся драться с неверными, когда призовет Господь, и, конечно же, погибнуть за Родину, за Правительство, за Горсовет! Они все страстно желают этого, они ведь для этого и живут!

Часто Воин – уже зрелый юноша – заменяет одряхлевшего Отца. Это происходит после подачи Семейей специального прошения в Горсовет и после получения разрешения Комиссии по Делах Поколений.

Тогда Воин перестает быть Воином и становится новым Отцом, что вообще-то не менее почётно. Главное, продолжать рожать. Эта проблема решается не только мужской половиной. Старую Мать также может заменить одна из дочерей двоюродной Семьи, которая, как правило, живёт в соседнем доме или где-то неподалёку. Её покупают по установленному Горсоветом тарифу, всё регистрируется в Комиссии по Делах Поколений, и жизнь Семьи продолжается.

Конечно, замена родителей происходит одновременно, как только Семья обнаруживает невозможность продолжения рода либо со стороны старого Отца, либо со стороны старой Матери, Горсовет не приветствует инцест, это ведь дикий пережиток прошлого.

Таким образом поддерживается состояние вечной беременности у Матери, без чего невозможно дальнейшее существование и процветание Семьи. Если в семье есть и Воины, и Музыкант, и вся прислуга – это настоящее счастье: все при деле, все сыты. Одновременно старого Отца, даже если он ещё здоров и полон сил, отлучают от семьи, отлучают от дел и переводят в Мужской приют, где он содержится в чистоте и сытости, а при желании, наличии здоровья, а главное, совершенно добровольно может начать работать в одной из городских служб, например, Дворником, Фонарщиком, Садовником или ещё кем-нибудь. Это скрашивает его дни и приносит пользу обществу и государству. Тем временем его дела передаются новому Отцу, который иногда оказывается младше большинства членов своей Семьи, что, впрочем, неплохо и гарантирует стабильность и благополучие Семьи на годы.

Старая Мать, в противоположность старому Отцу, навсегда остаётся в Семье, но на неё возлагаются обязанности Посудомойки. Это почётно и неутомительно. Её перестают замечать, но уважают и позволяют ей возиться с малышнёй.

Так меняются поколения.

Концепция Вечного брака угодна Богу и поддерживается Государством.

Аминь...

Всё это, конечно, не так уж просто, не для всех и не всегда радостны эти перемены, но и для печали нет места в сердцах. Ведь в большинстве домов кипит жизнь, большая Семья занята рождением и выращиванием Воинов, все подчинено этой Цели, и даже гибель их является событием запланированным, ожидаемым и, скорее, даже торжественным, нежели трагичным.

Трупы, привезённые, например, сегодня, как и в другие дни, будут, как положено, оприходованы и завтра после торжественной погребальной молитвы формально захоронены. Кроме фляжка, Семья вывесит на парадную дверь табличку с сообщением о героической смерти одного или нескольких Воинов, и их имена будут навечно выгравированы на сандаловой панели, укрепленной на дверном косяке. Домочадцы будут ими гордиться! На некоторых дверях самых зажиточных Семей в Городе выгравированы целые списки из десятков или даже сотен имён Воинов. Так повелось издревле. Каждый входящий должен поцеловать перста и прикоснуться затем к этой табличке, перед тем как пройти в дом.

После короткой, но торжественной церемонии с присутствием военного чиновника в заранее подготовленной нише в стене Военного кладбища в сандаловом ларце будет замуровано забальзамированное сердце Воина. Тело же будет вывезено следующей ночью из подвала и отправлено в специальный морг, где на нем будут тренироваться студенты из Школы Докторов и другие Воины, дабы получить заряд ненависти к врагу и пройти короткий курс анатомии, обучающий наиболее уязвимым точкам человеческого тела.

...Утро. К предпоследнему дому по улице Мессии подкатила телега с последним оставшимся трупом, тяжелые деревянные ставни подвального окна уже отодвинуты, желоб спущен вниз. Но никто не встречает Возницу. Он, подождав недолго, отмечает в своей книжице: «ул. Мессии, 16, Дуб Сын-льва – 2-я рота».

Перегнувшись через край телеги, Возница тянется к лежащему посередине телу, берется за край одежды, чтобы немного пододвинуть труп к себе, и вдруг прямо-таки замирает: на него смотрят два открытых глаза, живых, чёрт возьми, глаза!

Возница резко сдвигается в сторону, чтобы дать слабому свету осветить лицо Воина.

– Помогите мне, – произносят пухлые запекшиеся губы, – Я жив...

Возницу как подкосило: привезенный с поля боя живой Воин – это не только неудобство, это служебное преступление, невыполненный приказ. А приказ ясно гласит – добивать оставшихся на поле боя раненых, и никаких других вариантов не предусмотрено.

А за невыполнением приказа следует, естественно, наказание! и никто не станет разбираться, что не он, а, может быть, кто-то другой не прикончил этого рыжеволосого, как его? Дуба Сына-льва! а ведь их, черт возьми, специально обучали, как щупать пульс на шее, как ловко и быстро добивать уколom в сердце.

Халтурщики, бездельники, идиоты! Что делать? Разбираться не станут – ты привез живого в Город, ты и подставляй задницу. Страшно даже представить, как могут наказать!

Раздосадованный Возница оглянулся на окна, где Семья последнего Воина уже, по-видимому, попивала кофе под звуки популярной народной песенки. Быстро оглянулся по сторонам – на улице никого, вытащил из-за голенища замотанный в тряпицу стилет и полез на телегу. Так будет проще! Лучше это сделать прямо сейчас и без проволочек! Широко раздвинув над мальчиком ноги, Возница принаровился и уже приблизил тонкий, как шило, клинок к груди раненого.

– Гад! – услышал он хриплый голос. – Предатель! Вот кто этим занимается, мы всегда догадывались!

Воин отвернулся и закрыл глаза, ожидая смерти.

Возница напрягся, сосредотачиваясь для удара. Много раз он уже слышал последние слова раненых – мольбы, угрозы, брань, предложения взятки... Но работа есть работа, порой приходилось даже уворачиваться от неожиданных отчаянных ударов.

Но ничего! Сейчас всё будет кончено, и никто ничего не узнает. Возница ухмыльнулся. Никто ведь действительно ничего не узнает! Ещё мгновение – И всё было бы кончено, но вдруг служака заметил под разрубленной расползшейся кольчугой, под пропитанной кровью рассеченной тканью нательной рубахи Воина, на которую уже начали собираться мухи, маленькую девичью грудь! Но этого же не может быть!

У Возницы даже голова закружилась. Ведь это же подлог, страшное, очень страшное антигосударственное преступление!

«Убить, заколоть прямо сейчас, скорее, как можно скорее доложить о подлоге начальству! Нет, молчать! Конечно, молчать! Чёрт, что же делать?»

Он протянул руку и раздвинул края кольчуги, сомнений не было – девка.

«Убить! Как можно тише... И скорее сбросить в подвал. И молчать, мол, ничего не знаю – оформил труп, как положено, привез и спустил в подвал... А что не передал лично, так это

все так делают, побранят да и только... Ничего не знаю, не заметил, не видел, пусть сами разбираются. Авось пронесёт!»

Возница оглянулся на мирные окна дома, на мирно покачивающиеся белые занавески. Стало совсем светло. Неожиданно из лавки напротив вышла девочка с ведрами и посмотрела на перепуганного служаку. Тот быстро сунул стилет под плечи Воина и сделал вид, что просто хочет перевернуть или подвинуть труп.

– Молчи, не говори ничего, – услышал он вновь тихий голос. – Просто не убивай меня!

По грязному лицу Воина текли слёзы.

– Да уж, где теперь, – процедил сквозь зубы Возница.

Служанка с ведрами отправилась к колонке за водой.

– Не убивай меня, – вновь прошептала девушка.

Возница спрыгнул с телеги и пододвинул раненую к краю.

– Брось меня в подвал, – на этот раз он услышал в её голосе и страх, и мольбу. Это ещё больше разозлило старика, всё перепуталось в его голове. Он сунул руку в пах Воину и, не обнаружив там ничего мужского, кряхтя и отводя глаза, приблизился вплотную к лицу девушки.

– Ты можешь двигаться? – прошептал он.

– Нет, у меня, наверное, перебит позвоночник.

– Это хорошо, хорошо... А Мать знает, что ты – это не ты? Ну, в смысле, что ты не парень?

– Знает.

– Ничего себе! а это совсем плохо! и что ты теперь будешь делать? Если тебя найдут, и тебе, и мне крышка. А если не найдут завтра, все равно хватятся: где труп, кто виноват? я же нарушил приказ! Ты это хоть понимаешь?

– Ничего ты не нарушил. У нас в похоронной команде есть человек, он все оформит как надо. Не бойся!

– Какой такой человек? Что за человек? Это же заговор получается? Что значит «не бойся»? Сомневаюсь я, ох как я сомневаюсь... – занервничал Возница. – И почему вообще я должен тебе верить? Все хотят жить!

– Я не хочу жить – Я должна жить! Подумай сам, зачем мне тебя обманывать? Если бы что-то было ненадежно, я бы не служила в армии. Всё продумано заранее...

– Как это «зачем обманывать»? Да затем! и что может быть продумано заранее – твой сломанный позвоночник? Что ты такое несешь!

– Да! – девчонка почти закричала. Крупные капли пота выступили на ее грязном лице, она вдруг подалась вся вперед, будто силясь приподняться, глядя куда-то вверх. Возница резко обернулся и увидел сквозь вязь кружевных занавесок в окнах второго этажа чьи-то неподвижные белые лица.

Он понял, что выбора нет.

– Чёрт с тобой – живи, всё равно ты калека. Сама скоро помрёшь... Но смотри, и домашним своим передай – не подведите меня! – Возница взял Воина на руки, перенёс и положил на желоб. – Так и передай Матери: если что случится, я-то выкручусь, откуплюсь в конце концов, но вас всех, будь уверена, из-под земли достану. Уж поверь мне, найду способ, разделаюсь с вами!

В конце улицы загромыхали колеса, Возница заторопился и подтолкнул раненую. Та скатилась по желобу вниз, в окнах за занавесками произошло движение. Под нестройные прерывающиеся звуки флейты да под мирный гитарный вальсок из дома напротив.

«Зачем же я это сделал?» – подумал служака.

...Медленно катила телега по уже залитому солнечным светом, ожившему и загомонившему Городу. Птицы, проклятые, распелись, расщебетались на ветвях цветущих акаций. Воз-

ница, чувствуя себя совершенно усталым и разбитым, направил лошаденку не домой, а в Весёлый район, в бани.

– Не поеду домой, – бормотал он по дороге. В голове его всё перепуталось, злоба и обида крутили кишки: «Ну почему это случилось со мной? Какая же сволочь так облажалась?» и вдруг совершенно ясно и отчетливо, до дрожи в поджилках, до спазма в животе, он вспомнил эти глаза и пухлые губы, и рыжие волосы, и рубленую кольчугу на груди – В свете Луны, там, на поле боя. Это же он, он сам облажался, ошибся, отвлекся, заработался!

Ужас обуял старика, он чуть не въехал на перекрёсток, по которому проносилась карета Горсовета. Получив удар поперёк спины длинным хлыстом от висящего на подножке разъяренного толстого Охранника, Возница в последний момент резко остановил телегу и мгновенно протрезвел...

– Душ и завтрак, – заказал он в низком окошке.

– С выпивкой? – уточнил хозяин.

– С выпивкой.

– Девочку постарше или помладше?

– Девочку – И желательно немую! Или мёртвую! – рявкнул раздосадованный Возница.

Он вошёл в зал, оставил стилет и сумку с барахлом у банщика, разделся, бросил одежду на лавку и отправился в кабинку. Он лёг на кушетку, перевернулся пару раз и быстро заснул. Вошедшая следом прислуга, прекрасно обученная тихая девушка, внесла на подносе завтрак, села рядом на табурет и стала ждать, когда этот вонючий мужик проснётся и можно будет его помыть, накормить и убажить, как он только этого пожелает, – за всё уплачено по тарифу...

2

Они помчались, перегоняя друг друга, высунув языки, истекая горячей голодной слюной, оцетинив рыжие холки. Умопомрачительный аромат усиливался, заполняя всё вокруг, отесняя на задний план все запахи короткой летней ночи.

*Fennecus zerda*⁸ выскочил из своей норки и домчался до ближайшего кустика. Хлоп – сожрал зазевавшегося кузнечика! Остановился и прислушался. Его огромные уши ловили каждый шорох в ночи: вот хрустнули песчинки – это такой же полуночник крутится где-то поблизости и, судя по всему, он очень легок и подвижен, а значит, мелок, и стоит поискать его, найти, поймать и отнести самке и щенкам; вот шелохнулись листики на кустах и былинках – это теплый ветерок, неожиданно свежий, случайный, неуловимый; вот откуда-то, будто из-под земли, донесся приглушенный писк и возня – трое малышей только недавно прозрели, но уже

⁸ Фенек – миниатюрная лисица, которая живет в пустынях Северной Африки (латынь).

балуется, им скучно в тесной норе, отобранной родителями у суслика, вот они и донимают мать и дерутся друг с другом от нечего делать.

Ничего, потеснимся немного, зато в такой узкий, круто уходящий вниз лаз не сможет проникнуть *Felis silvestris lybica*⁹, который днём частенько ворчит и мяукает где-то поблизости. До чего все-таки неприятный сосед!

Fennecus zerda помчался дальше, петляя, сужая круги, лоцируя своими чудесными ушами окружающее пространство. Он выскочил прямо наперерез не успевшей его заранее обнаружить полёвке. Мышка метнулась в сторону – он за ней. Прыгнул, ловко стабилизируя полет своим замечательным пушистым хвостом, преградил ей дорогу. Полевка тоже прыгнула, но он настиг её, ударив сильно обеими передними лапами, вогнал в песок. Она вырвалась, но уйти уже не смогла – он перебил ей позвоночник. Отчаянно пища, обреченная полёвка ещё пыталась укусить его за губу, но *Fennecus*, во избежание дальнейшей борьбы, просто перекусил свою жертву пополам и поспешил к норке.

У самого входа он обернулся, поднял голову, наострил уши и замер, чтобы удостовериться – да, это была именно та ночь!

Он сразу узнал её по нарастающему специфическому запаху, а теперь и явственно слышному звуку – далеко, за теми вот холмами, в сухом русле реки, там, куда они с самкой никогда в обычные дни не осмеливаются бегать, сегодня опять происходит нечто страшное: слабое движение теплого воздуха доносит оттуда лязганье, клацанье, крики людей, лай *Canis vulgaris*¹⁰ и тревожный запах смерти.

Fennecus zerda задрожал от возбуждения, зарычал, и в то же мгновение в норе всё затихло. Что ж, он ждал эту ночь! Один раз попробовав, от этого уже невозможно отказаться!

Сейчас он закинет полёвку щенкам, и они вдвоём с самкой отправятся туда, на эти звуки, на этот запах. Там они, преодолевая страх, спустятся с холма и будут, дрожа загривками, рыча и истекая слюной, лизать камни, выкусывать из пересохшего грунта спекшиеся комочки крови. Главное, успеть вернуться обратно до рассвета...

«Ну не ходи ты туда, неужели ты не можешь отказаться от этого сомнительного удовольствия?» – *Fennecus* вдруг почувствовал лёгкое секундное головокружение, к которому уже привык. Снова этот невидимый друг, эта таинственная, будто возникающая в нем самом и, казалось, появляющаяся прямо в его собственной голове мудрая всезнающая самка *Fennecus zerda*, почему-то называющая себя Гидрой, обратилась опять к нему.

«Но почему? Чем тебе это так не нравится?» – недовольно осведомился *Fennecus*, протискиваясь в абсолютной темноте по извилистому, уходящему круто вниз проходу. Щенки затихли, но он знал, что едва он успеет высунуть мордочку с полёвкой в просвет норы, как эти сорванцы набросятся на добычу, вырвут ее из отцовской пасти и устроят настоящую потасовку.

– Мне это не то чтобы не нравится, просто я волнуюсь за тебя, ведь мы друзья, а ты подвергаешь себя опасности!

– А чего тебе волноваться? Единственный мой враг на всей этой территории – это *Felis silvestris lybica*, как ты его называешь. Да ведь он ночью спит! Ты вот лучше скажи, как это так получилось, что я такой маленький, а эта мерзкая кошка такая большая? Кто это так придумал? Кошка наоборот! Ночью спит, а днём гуляет...

– Я же тебе уже сто раз объясняла, что никто этого не придумывал – так само собой получилось, в результате эволюции, за миллионы лет.

– Ну вот, опять ты свои непонятные слова употребляешь: «эволюции», «лет», «миллионы»... Ты же знаешь, что мне это ни о чём не говорит! Нельзя ли попроще?

⁹ Степной кот (латынь).

¹⁰ Собака (латынь).

– Слушай, ну почему ты все время прикидываешься дурачком? я ведь много раз тебе уже объясняла, что такое год, и, помнится, совсем недавно рассказывала про числа. Опять забыл?

– Ладно, ладно. Не расстраивайся, я все прекрасно помню: два уха, четыре лапы, три щенка, один хвост. Простая арифметика!

– Как ты сказал – арифметика? Ну вот, пожалуйста, прекрасно же помнишь эти чужие для тебя человеческие слова! Значит, ещё не отбило тебе последние мозги желание поживиться человеческой кровушкой, а то я думала, что ты уже совсем рехнулся с этим своим кровожадством! Ну в самом деле – тебе что, еды не хватает? Или вы там со своей самкой какие-то особые острые ощущения находите?

– Ну что ты от меня хочешь, я ведь всего лишь зверь! Животное. Обыкновенная примитивная зверюшка. А вот ты кто такая? Всё время почему-то пытаешься заставить меня туда не ходить! Но тебе-то что за дело? я откровенно тебе скажу: кровь – это самое вкусное из всего, что я когда-либо в своей жизни пробовал. Это, как ты говоришь, раз! а два – ну чего это ради мы должны себе в этом отказывать? Ты знаешь, попробуй-ка сама хоть разок человеческой крови! Тогда узнаешь! Ну, чего молчишь, есть у тебя такая возможность?

– Такая возможность у меня есть, но я не хочу употреблять её в пищу, у меня гораздо более сложные отношения с человеком и гораздо большая власть над ним, я тебе уже кое-что рассказывала об этом, – Я ведь для них Бог! По крайней мере, скоро стану Богом.

– Знаешь, ты мне уже сотню раз твердила, что ты Бог, но мне всё равно это ничего не говорит. Нет, я, конечно, понимаю, что ты вот у меня в голове вдруг берёшь и появляешься неожиданно, и избавиться от тебя я не в состоянии; что ты, несомненно, знаешь об этом мире гораздо больше, чем я; что ты, поверим тебе на слово, имеешь власть над людьми, хотя я совершенно не могу понять, как это кто-то может иметь власть над людьми. Страшнее человека нет зверя на земле! Ну вот, объясни мне хотя бы это.

– Чтобы тебе всё это объяснить, я должна была бы тебе показать хотя бы часть того мира, в котором обитаю я и обитают люди. Но я не могу этого сделать, ты ведь ни за что не согласишься оставить свою нору, свою семью и отправиться в путешествие. Да это и опасно для тебя, как только ты приблизишься к человеческому жилью, тебя растерзают собаки. Так тобой нелюбимые *Canis vulgaris*!

– Вот именно! и согласишься, что это несправедливо. Я – один из немногих зверей на земле, которому ты подарила дар мысли. И что я от этого имею? Одни лишь переживания, загадки, бесконечную череду знаний, которые мне только мешают спокойно жить. Зачем мне все это? Нет, я, конечно, очень рад, что ты выбрала именно меня, а, например, не *Felis silvestris lybica*, не этого подлого кота, который ошивается днём вокруг да около и все норовит засунуть лапу поглубже в мою нору. Я, кстати, очень боюсь, что когда щенки подрастут, он все-таки сцапает кого-нибудь, начнут же они обследовать и этот лаз наружу! Если бы я был хотя бы размером с волка, я бы задал ему трёпку!

Fennecus добрался до норы, и щенки мгновенно уволокли полёвку в дальний угол, устроив там, как и ожидалось, весёлую свалку. Пока они заняты, надо спешить! Самка приветливо вылизала ему мордочку, они обменялись любезностями – он лизнул её под хвостом, она куснула его легонько за губу. Родители, убедившись, что полёвки хватит щенкам надолго, устремились в лаз – их ждала потрясающая трапеза.

– Не ходи! – вновь услышал он голос Гидры, выбираясь на поверхность.

– О чем ты говоришь? Разве я могу отказать своей самке в таком удовольствии?

– Ты обманываешь сам себя и пытаешься обмануть меня! Если бы ты не хотел, вы бы не пошли туда, ведь твоя самка просто побоялась бы отправиться в русло реки одна!

– Может быть, ты и права, но какое тебе, в конце концов, до этого дело? Да нам просто нравится это, нам нравится вкус этой запекшейся крови! и там, кстати, иногда попадают целые кусочки мяса! а много ли надо таким пустынным лисичкам, как мы, чтобы как

следует наестся? и потом – это полезно, это не то, что жрать каких-нибудь кузнечиков или ящериц! я прямо-таки чувствую, как все мои мышцы наливаются силой, когда я налижусь этой крови. А эти кусочки солёно-сладкого мяса!!! а эти отрубленные пальцы, которые можно грызть и вылизывать несколько дней! Ты вот что, например, ешь?

– Я, дорогой мой, ем почти все, даже камни! Тебе этого не понять. Но дело не в этом!

– А в чём?

– А в том, что у меня не так много друзей в этом мире, которых я бы любила и за которых я действительно волновалась бы. Ты один из них, и мне бы не хотелось, чтобы с тобой или с твоей подружкой там что-нибудь случилось. Вы ведь как ненормальные лижете эти камни, жуёте эту глину и вообще теряете всякую осторожность, забываете обо всем на свете! Да даже простая сова может в такой момент свернуть тебе шею или переломить позвоночник!

– Оставь! Совы охотятся только на мелких животных, нам ничего не угрожает.

– Да, а почему же тогда, когда она низко пролетает над тобой, ты всегда бросаешься в сторону, ищешь хоть какое-нибудь укрытие?

– Да потому, что я вообще всего боюсь. Ты же сама мне говорила, что так устроено природой. Ты вот мне лучше скажи, почему до сих пор никто не пытался напасть на нас там, в русле реки?

– Не знаю, наверное, все животные в окрестностях просто разбегаются и прячутся по своим норам и гнёздам – ведь там происходит нечто для них очень страшное. А кроме того, запах смерти, энергия смерти. Это плохое место для вас, вы, звери, инстинктивно чувствуете беду, плохие места обходите стороной. Только вот ты у меня не такой, как все! у тебя слишком уж высокое самомнение, у зверей так не бывает! у зверей так не должно быть!

– Да уж, конечно, не такой, как все! Вон, даже моя самка сейчас не подозревает, что я иногда думаю или разговариваю мыслями, почти как человек! Может быть, из-за этого меня тянет на всякие приключения?

– Ну ты совсем рехнулся! я ведь наградила тебя этим даром уже потом, когда ты почти год бегал жрать эту дрянь в русло реки! Забыл? Просто один из моих ганглиев, одна из моих телепатических антенн однажды достигла под землей здешних краев, а ты первый из зверей, кто попался мне, когда я сканировала окрестности. Ты просто счастливчик! Ты мне понравился тогда! и я решила дать тебе дар мысли и телепатии. Мне ведь почти не с кем общаться!

– Ну спасибо, уж если ты меня так любишь, сделай так, чтобы я стал побольше и сильнее! Чтобы я мог противостоять врагам.

– Во-первых, я и так уже очень многое для тебя сделала – ты мыслишь! и это самый бесценный дар, который был дан в своё время человечеству и не был использован людьми по назначению. А во-вторых, я устала уже тебе повторять, что я не могу изменить твой физический облик, это невозможно! Как бы я ни хотела этого – ты был и останешься трусливой пустынной лисичкой, но не размер или внешний облик определяет место мыслящего существа в природе. Попробуй использовать свой дар креативно, попробуй хоть что-то улучшить в своей жизни, используя...

Фенек перебил незримую собеседницу:

– Но ты ведь утверждаешь, что ты Бог, а это, по твоим же словам, почти то же, что и Природа! Ну так сделай что-нибудь, помоги мне реально! Сделай меня сильнее, больше, сделай меня огромным, зубастым, покрой меня чешуёй! я оторву голову этому проклятому коту! Он всё время крутится у входа в нашу норку. Я боюсь за наших детей!

Гидра молчала, а фенёк не унимался.

– И вообще, ты же сама и устраиваешь эти человеческие побоища, ты сама тут всем распорядилась, и вся эта кровь и смерть этих человеческих детёнышей – на твоей совести. Причём неизвестно, зачем это тебе нужно и что ты имеешь против этих людей, зачем тебе столько крови и зачем ты вмешиваешься в их жизнь именно так... А мне почему-то запрещаешь про-

сто прибежать сюда на часок и немного полакомиться. Да ещё называешь меня людоедом! Не понимаю я этого.

– О, господи! Ну что я могу тебе объяснить? Что я управляю жизнью целого Города, что тысячи людей, сами того не подозревая, живут по моим законам, что скоро я подчиню себе весь Остров? а потом и всю Землю! Ты всё равно этого не поймёшь. У тебя самые низменные интересы – твоя самка, жратва, щенки...

– Нет, нет, нет! Хватит, ты меня запутала уже совсем! Давай поговорим об этом потом! Возвращайся завтра, все спокойно обсудим...

– Ты неисправим, из виртуозного охотника ты превращаешься в какого-то падальщика, в настоящего людоеда!

– Слушай, давай не будем ссориться! Мне совсем не до этого, люди ушли и мне нужно скорее добраться до места. Моя самка совсем изголодалась, дети высосали из неё всё молоко. Ей нужно восстановить силы.

– Ладно, давай. Но будь осторожен! Пожалуйста. У меня не так много друзей, я не хочу тебя потерять. Будь осторожен!

Fennecus zerda снова почувствовал лёгкое головокружение – так уходила Гидра из его головы. Он вновь оказался сам собой, сам по себе. Он оглянулся – самка бежала за ним, отставая на полкорпуса. Уши она прижала, немного повернув их назад, продолжая прислушиваться к тому, что происходит со стороны норы – ведь там остались щенки.

Когда Fennecus оглянулся, она весело вильнула хвостом и перешла на галоп. Они помчались, перегоняя друг друга, высунув языки, истекая горячей голодной слюной, ошетилив рыжие холки. Умопомрачительный аромат усиливался, заполняя всё вокруг, оттесняя на задний план все запахи короткой летней ночи. Они поднялись на огромный холм, где русло высохшей реки делало крутой поворот, быстро оценили ситуацию – никого, и кубарем скатились вниз.

3

В основных дисциплинах Дуб, однако, не уступал другим Воинам, любил тренироваться, прекрасно дрался, и единственное, что отличало его от них, – скрытность, склонность к одиночеству и отсутствие чувства товарищества.

Свет-мой поправлялась медленно. Давно затянулась сеченая рана на левой груди, зажили и исчезли без следа множественные ранки, ссадины и синяки. Девочка лежала, не поднимаясь, и лишь по прошествии месяца начала немного двигать пальцами ног и рук. Воробей, верный её дружок, очевидно, нанес ей удар рукояткой меча, как и было заранее договорено, между лопаток, ближе к шее. Ведь это было тогда для девочки тем самым ничтожным шансом, который позволил бы ей вернуться домой. И, о чудо, так оно и случилось! Невозможно даже поверить, что все сложилось, как было задумано. Но что стало с ним? Где он теперь? Жив ли? Всё, что теперь известно, так это то, что его не было среди павших. Это уже проверено. А значит, возможно, они ещё когда-нибудь встретятся... Она так скучала теперь по нему.

Так думала девочка, проливая тихие слезы по тому, кто был посвящен в её тайну, кто любил её и опекал, не смея к ней прикоснуться, не смея разрушить детскую тайную дружбу, так неожиданно возникшую среди всего этого армейского уродства и тупости.

«Наверное, так оно и было, ведь я жива, и я дома», – думала она, тщетно пытаясь восстановить в памяти картину боя. В день возвращения её перенесли на чердак, в маленькую комнатушку прямо под крышей – подальше от холодного сырого подвала, подальше от человеческих подлых глаз. Здесь ей было хорошо, она слышала все звуки вокруг – И то, что творилось снаружи, и то, чем был наполнен дом.

А дом был наполнен надеждой и тайной радостью заговора, почти удавшегося, почти состоявшегося. Только бы она выздоровела – их девочка-воин, их жертва и их спасительный план!

Её возвращения все очень ждали. Подлог, в котором она выступила как мальчик, готовился тайно много лет, с тех пор как погиб последний Воин в семье, а Мать поняла, что рожать, вероятно, больше не будет.

...Это была внешне почти обычная Семья. Отец, старый болезненный человек, всю жизнь прослужил секретарем Коммунального Управления и не сумел скопить какого-либо состояния. Четверть века они с Матерью рожали детей, и им не очень-то везло – кроме нескольких мальчиков, рождались в основном девочки, большинство из которых остались в доме, так как Мать почему-то так и не нашла в себе сил продать хоть одну из малышек в чужую семью. Пять из шестерых мальчиков погибли в разное время. Они были хорошими Воинами и хорошими сыновьями, о каждом из них семья помнила и даже иногда печалилась. Последний из них – Медведь – был посвящен в тайну семейства, как гром среди ясного неба свалившуюся на Отца с Матерью, – материнское чрево иссякло, грядут большие перемены!

Медведь в это время фактически уже руководил семьей: он контролировал скудный бюджет, он следил за состоянием дома и ремонтировал его время от времени сам, чтобы не платить кому-то на стороне. Пособие, которое выплачивалось на него семье, было в то время самой существенной статьёй дохода. Мальчик организовал своих разновозрастных сестёр в небольшой цех, где они ремонтировали бельё всего квартала и выручали таким образом некоторые деньги себе на пропитание.

Уже лысеющего болезненного Музыканта, которого звали Радость, Медведь не позволял обижать и даже советовался с ним по разным семейным вопросам. А как же, ведь тот был старше его на пятнадцать лет! Спал Медведь вместе со всеми «детьми» в огромном зале, занимавшем весь третий этаж дома, хотя у него и была собственная, положенная ему по рангу спальня, прекрасно меблированная и с окном не на улицу, а во внутренний заросший инжиром и виноградом двор. Никогда в те выходные дни, когда Медведь ночевал не в казарме, а дома, он не приставал к сёстрам, как это делали, судя по рассказам, все Воины из его роты. Он не представлял себе, как бы он мог это сделать. Приятели, конечно, немного пошлили и по-дружески подтрунивали над ним, зная об этом. Он и сам себе казался не от мира сего. Но это была тайна необычной Семьи, в которой родители научили детей стеснению и ещё многим другим странностям, вообще не свойственным современным горожанам.

Отец рассказывал детям какие-то чудные сказки о том, что раньше якобы люди жили совсем не так, как сейчас, – мир был устроен иначе. Дети, от мала до велика, слушали его с открытыми от удивления ртами, забавлялись этими отцовскими историями и их чудаковатыми героями. Но с годами каждый из них понимал, что это не просто сказки, что эти герои существовали когда-то на земле и что они так же, как все, радовались и грустили, жили и умирали, боролись и побеждали, и что Отец-то знает об этом наверняка, что он это всё не придумал – он откуда-то это знает! и про бедную Анну, бросившуюся под железную колесницу именуемую «Паровоз», и про великого путешественника Гулливера, и про подводный корабль капитана Немо, и про семерых говорящих козлят и говорящего волка...

А когда приходило время, Отец показывал им книги – не обычные книги, переписанные от руки городскими писарями, а другие, уже полуистлевшие, но удивительно красивые книги, буквы и строчки в которых были совсем ровные и аккуратные, а некоторые картинки были настолько реальными, что даже дух захватывало – как это можно так нарисовать?

Читать их было трудно, но Отец, научивший Музыканта прекрасно управляться с этими текстами, требовал от каждого, чтобы тот обучался под руководством Радости этому трудному, но такому увлекательному чтению. Отец говорил, что на этих языках когда-то говорили и писали и что эти книги из Прошлого.

Иногда они всей Семьей, сидя за завтраком в гостиной, обсуждали некоторые эпизоды из прочитанных книг, объясняли малышам значения некоторых слов, названия странных предметов, не существующих в реальной жизни – самолет, ружье, машина, электричество, фотография...

Большинству членов Семьи все это было страшно интересно. Интересно, но очень страшно. Это была их тайна, и её нельзя было выносить из дому. Все чувствовали скрытую в ней опасность. Она не только объединяла, но и сильно осложняла их жизнь – внутренний мир Семьи стал формироваться по своим законам, и постепенно настало время, когда обычаи и взаимоотношения в Семье вступили в противоречия с внешними порядками и законами. Настали тяжелые времена – вся Семья буквально болела фантастическими иллюзиями, почерпнутыми из нескольких десятков отцовских книг. Они не находили общего языка с соседями, они потеряли друзей-приятелей, они пугались собственных слёз, они с восторгом рассказывали друг другу о неожиданных, вдруг посетивших их чувствах. Они страдали.

После запланированной, ожидаемой, но всё равно чудовищно несправедливой гибели Медведя, которая резанула неожиданно больно и переживалась Семьей особенно тяжело, родители вынесли судьбу Семьи на общий совет. Средств на существование, то есть скудной отцовской зарплаты и нерегулярных доходов от их швейно-ремонтного дела, на нормальную жизнь явно не хватит, Свет-мой, которой в то время уже исполнилось одиннадцать месяцев и которую ещё не зарегистрировали и по традиции ещё не показали соседям, была последним ребёнком, рожденным Матерью. Через месяц её должны зарегистрировать в Доме народа, а других детей, а значит, и Воинов – больше не будет. И если Семья хочет продолжать рожать и выращивать Воинов, нужно купить новую Мать у двоюродного семейства, а этого никто себе даже представить не мог – ведь Мать и Отец так любят друг друга! Да и денег на такую ответственную инвестицию у Семьи просто нет! Что делать?

Но даже если привести в дом новую Мать, Отец уже тоже стар и, кто знает, может, детей от него тоже уже никогда не будет. Но что тогда делать с Отцом? Он слаб, он привязан к Семье. Кто заменит его? в семье больше нет мальчиков. А Музыкант Радость по закону так и должен остаться Музыкантом на всю жизнь. Это какой-то тупик! Да и что вообще будет, если Отца кем-нибудь заменить? Ведь он исчезнет из их жизни – Закон проследит за этим. Но этого нельзя допустить, это ужасно, ведь они все так привязаны к нему!

В тот трагический день Семья с удивлением поняла, что произошел какой-то крутой поворот в их жизни, они впервые признались себе, что они все любят друг друга, что они не могут друг без друга, точь-в-точь как описано в этих волшебных, удивительных книгах. Но что же все-таки делать?

Решение возникло случайно, «Вот бы Свет-мой была бы мальчиком», – печально произнёс Радость...

Процедура подлога разрабатывалась и готовилась больше недели и обошлась в кругленькую сумму, которую собрали с трудом, после чего они почти два месяца голодали. Были внесены изменения в журнал Повитухи, принимавшей роды в их квартале, уничтожены якобы украденные патронажные записи Доктора. И Повитуха, и Доктор запросили за своё молчание столько денег, что четвёртая дочь Морская втайне, не говоря никому ни слова, обратилась

в одну из нелегальных контор, процветающих в Весёлом районе, и больше двух недель подряд пропадала целыми днями в одном из тамошних «институтов здоровья», развлекая чужих мужчин, в основном армейских хозяйственников, которые расплачивались наличными и недорогими побрякушками, бывшими в ходу на блошином рынке, – их можно было быстро продать. Дома она сообщила, что нашла временную подработку в швейном цеху Горсовета, пока там болеет Гладильщица. Работа тяжелая, но платят прилично...

Когда всё закончилось и нужную сумму набрали, Морская поняла, что она беременна. Это вызвало замешательство, сама девушка сильно расстроилась и испугалась, стыдясь рассказать даже Матери, что понятия не имеет, кто отец её будущего ребёнка, но мудрый Отец сказал, что это, наоборот, хорошо – И в Семье, возможно, снова родится мальчик. А ведь именно это им и было нужно!

Тем временем огромная сумма при посредничестве всё той же Повитухи была передана родителям одного малыша из соседнего квартала, которого те согласились передать Семье как бы в аренду на один день для прохождения процедуры регистрации. Малыш был такой же рыженький и кругленький, как и Свет-мой, но очень крупный для своего возраста, его ещё не регистрировали и должны были регистрировать только через три месяца. Процедура прошла гладко. Мальчик ещё не говорил, вёл себя благодушно, родители привели его в контору в конце дня, когда Регистратор уже устал и вряд ли бы запомнил посетителей.

Так последняя девочка в семье стала Воином и получила очень распространенное в средних слоях, но гордое имя – Дуб. Через несколько лет она вступила в армию, а в семь лет переселилась вместе с другими в Казармы, где и начались непрерывные тренировки и подготовка к Священной Войне, которую вело Правительство где-то на Юге против безбожных кровожадных дикарей.

Всё больше и больше денег выделялось на тренировки Воинов, на строительство тренировочных полигонов, на пропаганду патриотизма и богобоязни, но в Городе всё больше и больше рождалось слабых детей, всё меньше и меньше мальчиков, и уже некуда было девать Музыкантов, а интернаты для детей-инвалидов давно уже закрыли свои двери из-за отсутствия свободных мест и надлежащего субсидирования.

Особенно это стало актуально в последние десятилетия: дети с разнообразнейшими дефектами стали рождаться всё чаще, старики утверждали, что значительно чаще. Да и Доктора, правда неохотно, подтверждали тот факт, что настолько родственные двоюродные связи все-таки, наверное, отражаются на здоровье поколений. Городской Совет даже выдвинул программу поощрения продажи и обмена девочек для дальнородственных семей. Однако официальная причина всё большего распространения врожденных уродств и ослабления здоровья нации называлась, как обычно, одна – Божья кара людям за явно недостаточные усилия горожан в Священной войне против диких племен, населяющих Юг долины.

Отец же по этому поводу имел своё мнение и старался объяснить это своим домашним. Во-первых, по всем признакам никаких «диких» племён не существует, и вообще непонятно, что это за война такая? Он много читал про войны и много думал об этом. А во-вторых, он рассказывал детям про описываемую в его чудесных книгах форму брака, когда, наоборот, запрещены и Богом, и государством именно близкородственные связи и когда люди вступают в брак торжественно, самостоятельно выбирая себе спутника жизни. Отец называл это «по любви». Именно эта форма брака, утверждал он, является правильной и непротивной природе, именно от такого брака должны рождаться здоровые дети и даже, если хотите, самые сильные Воины!

Именно поэтому Отец вовсе не огорчился, когда у Морской родился не мальчик, как этого все хотели, а девочка, не рыженькая, как и всё семейство, а чёрненькая, со смуглой кожей. Отец радовался и говорил, что этот ребёнок начнет новое поколение в их семье! Так продол-

жалось до того дня, когда Свет-мой сообщила, придя домой на выходные, что её, а именно Воина Дуба, записали в Большой поход уже на следующий месяц.

Тогда все поняли, что она, их кормилица и всеобщая любимица, если что-то опять не предпринять, практически уже мертва...

«Господи, кто придумал эти дикие порядки, эту страшную, но такую спокойную и такую бесконечную Войну? и почему, почему всех это устраивает? Это же дикость какая-то! и что вообще теперь делать? Как со всем этим жить?» – Отец бессильно сжимал кулаки и думал, думал, думал...

Он не знал и не ведал, что именно на этой земле уже в какой-то далёкой неизвестной истории, в какие-то незапамятные времена, почти не оставившие после себя воспоминаний, кроме чудом сохранившихся полуистлевших и теперь повсеместно запрещённых печатных книг, дети уже вели непрерывную и почти никому не заметную войну – В рядах регулярной армии единственного народа, вставшего во весь рост против ошетинившегося и набирающего силу зла.

4

Он знал, чего он хочет, понимал, что вряд ли сможет это осуществить, но любопытство и решимость уже настолько созрели в нём, что впервые в жизни он испытал такое возбуждение, по сравнению с которым ни страх наказания, ни сладость женщины, ни винный хмель ничего не значат!

Возница отдыхал почти две недели. Заменял колесо у телеги, ещё кое-что починил. Запрягал всего два раза – соседи уговорили съездить на рынок, запастись на неделю провизией, а другой раз сам отправился с женой и Кухаркой к Северным воротам, где распродавали имущество, конфискованное у нескольких Семей за какие-то преступления.

Прибарахлился немного, купил кое-что из посуды, кое-какую мебелишку для нового флигеля. В общем – отдыхал. Но работа не заставила себя долго ждать, явился гонец из Гарнизона и сообщил, что завтра выступать. «С кем?» – поинтересовался Возница. «С младшей ротой!» – крикнул тот, уже убегая.

Странное чувство посетило Возницу. Раньше он ждал с нетерпением, когда его позвут, когда вслед за колонной Воинов они выйдут из Города и встанут обозом в высохшем русле реки. Причастность к Священной Войне и вместе с тем почти полная безопасность, хорошее жалование, премиальные, уважение горожан – всё это будоражило кровь, радовало, наполняло сердце гордостью, рвением и сладостным сознанием собственной исключительности.

А кроме того, Тайна, за которую ему платили! Великая Тайна. Вряд ли кто-нибудь из коллег хотя бы раз подумал о том, чтобы сменить работу. Возница даже и не помнил, чтобы кто-нибудь сам ушёл. Старый Возница или умирал, или его списывали по болезни – С почётом, с пенсией, с сохранением чувства братства, причастности к Тайне...

Сегодня же как-то тоскливо стало на душе.

Приказал Кухарке собрать ужин, но есть не стал. Жена – старшая из дочерей родного брата, зная, что он это любит, надушилась цветочными духами, раньше ушла в спальню, выставила на прикроватный столик початую бутылку сладкого вина и серебряную тарелочку с инжиром, сушенным ещё в прошлом году. Он пришел к ней поздно, ковырялся весь вечер в подвале. Она даже скинула рубашку, тихонько поджидая его, поглаживая собственные бедра, лаская грудь. Он же плюхнулся на постель и собрался спать. Она, было, прижалась к нему, но он грубо одернул её и засопел, подавленный какими-то переживаниями. Вскоре он захрапел, с перерывами, тревожно, на мгновения вываливаясь из сна. Всю ночь Возница крутился в постели, пару раз вставал до ветру. Утром вскочил засветло, намного раньше, чем обычно. Быстро оделся и укатил. Музыкант, с раннего утра шляющийся по дому, сообщил, что Отец даже не перекусил...

Возницына маленькая семья – Мать, Кухарка и Музыкант-инвалид – терялись в догадках, но особо и не беспокоились. Их связывали только общий дом и деньги этого старикана. Больше детей в семье не было; это была самая великая и самая выгодная привилегия Возницы – всех детей в этом доме продавали. И деньги в бюджет, и ртов меньше. Прислуга была им в общем-то не нужна – сами справлялись. Девочек продавали другим семьям, а мальчиков – В ясли-интернат при Гарнизоне, где их содержали за счёт государства, а в семь лет переводили в общие роты, в казармы. Оплату за проданных таким образом Воинов Горсовет производил одноразово и в размере почти в два раза меньшем, чем выплачивалось за содержание Воина в Семье. Зато возни и хлопот было меньше. А деньги, вырученные от продажи детей, Возница, используя кое-какие связи, клал в Национальный банк в рост да под очень приличные проценты. Так что можно ещё было поспорить, что выгоднее! Только немногие чиновники, причастные к Войне, в том числе и Возницы, пользовались и, дай Бог, будут пользоваться этой привиле-

гией. Семьи их были немногочисленны, зато кошельки всегда туго набиты. А что ещё нужно честному гражданину?

...Предстоящее Сражение, как и всегда, было назначено на полночь. Обоз, как предписано, должен был стоять в стороне, на своём обычном месте – километрах в пяти-шести от линии фронта, как требовал Устав. Бой должен будет произойти в русле реки, которая девять месяцев в году была высохшей до глубоких трещин и только зимой во время проливных дождей превращалась в бурный поток, в котором частенько тонул скот или кто-нибудь из кочевников, стягивающихся в это время года к стенам Города.

За поворотами и изгибами русла ничего, конечно, нельзя было услышать или увидеть, но Возница, как и все в обозе, знал, что там идет бой. Очень необычный бой. И каждый знал, что ждать придётся, возможно, сутки или дольше, но это не так уж и долго. Как обычно, разводились костерки, открывались корзины с казенным пайком, а с наступлением темноты, после общей молитвы, команда разбивалась на группы. Разговоры велись громко и непринужденно: о деньгах, о женах, о ценах, о разном. Смерть была там, далеко, а главное, это была чужая, не их смерть.

И там была Тайна, которую они хранили, и каждый знал, что за её разглашение – казнь. Такая мучительная, такая позорная и такая безымянная, что лучше уж самому отрезать себе язык заранее, только бы не проболтаться!

Об этой тайне не говорили, в неё Возниц специально не посвящали, но всякий догадывался сам: сплошь и рядом, собирая трупы, они находили прямые и косвенные свидетельства тому, что Воины бились друг с другом!

Это ж было ясно как дважды два!

Раненых, но не сумевших уйти с поля боя добивали уколом в сердце, а если вдруг Воин неожиданно начинал сопротивляться, наваливались втроём, вчетвером. Всегда количество трупов было несколько меньше, чем Воинов, ушедших в бой. Самые смелые предположения делались на этот счёт – скорее всего, таким образом отбирались самые сильные бойцы, Сверхвоины, те, кто могли противостоять всем и выйти из боя невредимым или, по крайней мере, уйти на ногах, самостоятельно.

А дальше? Дальше их, вероятно, отправляют в какое-нибудь тайное место, в какой-нибудь секретный правительственный гарнизон, а куда же ещё? Но кто этим занимается? Кто-то ведь, наверное, уводит или увозит победителей ещё до того, как появляется обоз. А ведь эти сволочи, Десятники, и тем более Надзиратели, всё прекрасно знают!

Возницы терялись в молчаливых догадках, почёсывали затылки, болтали на отвлечённые темы и попивали ароматный чёрный кофе, сваренный на углях в чугунных чашечках с длинными ручками. Разговоры о работе в обозе не велись вовсе. Было чего бояться – обоз сопровождала правительственная Десятка, состоящая из десяти чернокожих великанов, закованных в латы и вооруженных до зубов. У каждого из них было по четыре маленьких горбоносых собаки, тоже одетых в кольчуги. Удар челюстей такой вот собачки дробил мощные древки копий, а уж этих развлечений Возницы насмотрелись вдоволь!

Все Десятники были немые – все были без языков. Восемь из них уходили со сворой собак дальше, за Воинами, а двое оставались с обозом. И не спали, черти, ведь совсем не спали! Кроме них, с обозом оставались два Надзирателя от Горсовета – присматривать за остальными. Они разъезжали в мягких лёгких повозках и в них же, закрыв на ночь кожаный верх, ночевали, подглядывая периодически в чёрные круглые окошечки. Водовоз и Счётчик также были в сопровождении. Водовоз обычно присоединялся к какой-нибудь компании, а Счётчик всегда держался особняком, переходил от костра к костру, слоняясь туда-сюда и явно подслушивая. Его не любили...

Ожидание обычно не было утомительным, возвращался один из Десятников, и это было сигналом начать сбор трупов. Обоз снимался и шёл дальше вдоль русла, где при свете факелов в кровавом месиве находил результаты бойни.

Характерно было то, что многие из Воинов уже были без части экипировки, без оружия или даже одежды. Видимо, оставшимся в живых разрешалось перед уходом с поля боя выбрать себе то, что понравится. Ведь не было единой формы, а некоторые, особенно из зажиточных семей, выступали в поход в дорогих доспехах, с поясами, украшенными серебряными бляхами, с инкрустированным оружием.

Возницы, однако, заставляли себя не воровать – знали, что накажут. Они приучили себя не задавать вопросов, но каждый, конечно, пытался смекнуть – что же здесь на самом деле происходит? Нет ведь никаких «неверных дикарей» с Юга, Воины бьются между собой, это совершенно очевидно, как день и ночь. Но ведь это так дорого обходится Государству, Городскому Совету! Неужели только ради отбора лучших из лучших происходит эта «война»? Неужели это и есть та Цель, ради которой живёт весь народ? Ерунда какая-то!

Мурашки ползли по коже от этих мыслей. А если кто-нибудь из обычных горожан узнает всю правду или даже часть правды? Ведь это же крах, катастрофа! Вся политическая структура построена на этой Войне, вся религия, все молитвы, весь образ жизни, быт, торговля, общественная жизнь. Но кто может узнать, да и как? Каждый думал об этом, ловко добывая раненых и таская трупы к телегам. И никто не подавал и виду. Тайна, тайна и ещё раз тайна! и страх, и деньги. И возницкое братство...

...Возница направил лошадь к Южным воротам – Воротам Славы. Он намеренно сделал крюк, не поехал по улице Мессии. Тяжелые воспоминания, стыд за собственную слабость, за неудачу, за глупую ошибку с тем Воином, который оказался девкой и которого он не добил, а потом и отпустил, сжимали его внутренности. Он прибыл первым. Площадь перед Воротами была пуста, в будках по обе стороны от ворот виднелись головы Стражников, один из которых дремал. Тот, который не спал, увидев выкатившуюся на площадь телегу, дернул за шнурок и прозвонил в колокольчик. Второй тут же встрепенулся и вышел разбираться. Два солдата-арбалетчика на башне, облокотившись на край стены, наблюдали сверху.

– Ты чего так рано? – нарочито недовольно прокричал знакомый Стражник. Возница сделал приветственный жест рукой и, описав на телеге дугу, остановил ее прямо под городской стеной.

– Понимаешь, жена покою не давала, всю ночь мучила – хочу ещё, ещё давай! – отшутился он. Оказалось – удачно. Вся братия громко заржала.

– Да ну! – стал подыгрывать один из Арбалетчиков сверху. – Ну а ты чего?

– А я чего! На пятый раз портки напялил и сбежал! – Возница развел руками и скроил испуганную рожу.

– На пятый раз! – не унимался парень. – Ну ты, дедок, силён, мне бы так!

– Да и ты так сможешь, привяжи к своему красавцу карандаш потуже и вперёд! – Возница сделал неприличный жест и подергался туда-сюда. Парни просто падали от смеха.

– А у меня карандаша нету! – уже надрываясь и задыхаясь от ржачки, продолжал Арбалетчик. – Я ведь не писарь, у меня только стрелы! а стрелу привязать можно? Стрела подойдёт?

– Стрелу? Можно, – делаясь серьезным, парировал Возница, – только прежде ты на неё наперсток надень, чтоб девку насквозь не проткнуть!

– А у него такая девка, что ему впору не наперсток, а мой шлем на стрелу нацеплять! – вступил в игру другой Арбалетчик.

– Это плохо, – поддержал его Возница, – тебе, парень, девку надо менять! а то ты того и гляди в такую-то пропасть когда-нибудь и сам провалишься, придется тебя за ноги оттуда вытаскивать!

Все просто умирали со смеху, наржались и уселись играть в карты. Тем временем прибывали остальные телеги. Вскоре появилась Десятка на огромных конях, свора собак беспокойлась и тянула в сторону ворот, зная, что там им удлинят цепи и они смогут порезвиться, душа и терзая по дороге к месту назначения тушканчиков и ящериц, случайно оказавшихся на пути. Надзиратели прибыли последними, произвели построение, проверили запас воды, раздали корзины с провизией и двинули обоз на выход. Ворота поднялись и вновь опустились – это были особенные ворота в Городе, через них, кроме этого обоза, никто никогда не входил и не выходил.

...С ближайшего холма обозники увидели совсем рядом русло реки, в которое спускается дорога, а в нём, уже далеко впереди,двигающуюся в облаке пыли колонну Воинов со знаменами.

«Младшая рота», – вспомнил Возница и весь аж покрылся испариной от сознания того, что он задумал и что именно он собрался предпринять.

Рота, как всегда, шла пешим строем. Они вышли засветло из Западных ворот и достигли русла дорогой, идущей снаружи вдоль стен Города. До обоза доносились обрывки бравой военной песни, выкрикиваемой сотней звонких детских глоток. Впереди роты на коне ехал её бесменный командир – всем известный Сосна Сын-мира.

Его знаменитый шлем сиял и отбрасывал зайчики, так что издалека казалось – это само Солнце шествует впереди возбуждённой колонны. Этот ротник прославился среди народа своими интригами, которые он вечно затевал в военных кругах, драчливостью, пьянством и приближенностью к кому-то из Большой Тройки Горсовета.

Воины верили ему безгранично и старались быть похожими на него. Из года в год он уводил свои роты драться с проклятыми иноверцами. Сегодня после долгих совместных тренировок и множества учебных боёв Сосна Сын-мира снова вёл свою очередную роту на убой, весело и торжественно!

Возница шёл в обозе вторым. Он не мог оторвать глаз от исчезающей за поворотом колонны. Неожиданно он почувствовал себя дурно, в глазах потемнело и задрожало, с яростной силой вновь и вновь, вместе с ударами крови в висках, в очумевшей от страха за собственные мысли голове застучал неожиданно простой вопрос: что происходит? а что, чёрт возьми, происходит?

Опять вспомнилась эта недобитая девчонка с улицы Мессии. Слава Богу, все обошлось. Наверное, обошлось. Но ведь она-то знает, знает! Она теперь знает, что там происходит. Она знает теперь обо всем... О всей нашей жизни.

Я тоже узнаю. Я сегодня же всё и узнаю, будь я неладен!

Солнце поднималось всё выше, обоз вышел на обычную позицию и остановился. Восемь Десятников ускакали вперед. Возницы расположились в тени своих телег, накрыв лошадей холщевыми попонами и прячась от беспощадного солнца. Двое Десятников спешили и уселись в тени оливкового дерева на высоком берегу. Привязанные длинными цепями к оливе собаки выслеживали ящериц и периодически цапались между собой. Надзиратели расположились поодаль, отчитывая за что-то Счётчика. Водовоз уже отправился собирать хворост. Вскоре он, зазевавшись, удалился достаточно далеко, и его остановил резкий свисток Десятника. Он торопливо вернулся, сбросил хворост и забрался в тень своей бочки. Началось ожидание.

Никогда ещё Возница так не нервничал. Он знал, чего он хочет, понимал, что вряд ли сможет это осуществить, но любопытство и решимость уже настолько созрели в нём, что впервые в жизни он испытывал такое возбуждение, по сравнению с которым ни страх наказания, ни сладость женщины, ни винный хмель ничего не значат! Он как будто сошёл с ума.

Чтобы не выдать себя и немного успокоиться, он затеял перепалку с молодым Возницей из-за удобного плоского булыжника, который всегда считал своим и использовал как табурет.

Перепалка чуть было не переросла в драку. Толкались и махали руками друг у друга перед лицом, кричали, как принято, плевались, но не дрались – за драку накажут...

5

Никогда! Никогда она не могла спокойно возвращаться из похода – её будто что-то давило сзади, будто вся энергия смерти холодила её круп.

*Equus caballus*¹¹ была уже старой заезженной лошадью. В обозе товарки помоложе, бывало, вздыхали тяжело, нервно ржали, дергались или даже кусались – не от легкой, конечно, жизни. Ну и что? Получали кнут! Она же была терпеливой и безропотной, тихой и трудолюбивой, она сама, понимая безвыходность своего положения, приучила себя к тупому спасительному автоматизму – так жить было легче.

¹¹ Лошадь домашняя (латынь).

Заставив себя принять неизбежность происходящих в её жизни удовольствий или неудовольствий, она обрела некую степень свободы – свободы от переживаний.

Ни жара, ни палящее солнце, ни больно кусающиеся оводы, донимающие лошадей, которые дергались и нетерпеливо переминались с ноги на ногу, ни дождь, порой застающий обозных кляч в непривычной тесноте улиц на скользком булыжнике да без всяких попон, ни противные *Canis vulgaris*, считающие своим долгом обляять оказавшуюся в их зоне влияния лошадь, а если та не обращает внимания, даже и куснуть её за лодыжку, короче говоря, ничто не могло вывести старую *Equus* из состояния тупого защитного безразличия.

Когда страшно тёр хомут, когда сбивались или растрескивались копыта, когда зудела и чесалась давно не мытая, искусанная насекомыми шкура, *Equus* только ещё больше отрешалась от бытия, уходя в некий сон с открытыми глазами. За это её и ценили, за это её и старого Возницу и держали в обозе. Исправно работать – вот их назначение.

Она была одной из немногих лошадей, которые спокойно ходили в шорах и никогда не артачились – так даже удобней. Пусть человек определяет, как и куда ему ехать, а её дело – чутко слушаться поводыев и сквозь бесконечную дрёму слушать единственный голос – голос Возницы. И выполнять его команды.

Иногда она болела, но от работы это, естественно, не освобождало. Хозяин, однако, неплохо разбирался в её состоянии и становился в такие дни более внимательным: усиленно кормил, берёт от перегрева или переохлаждения, бывало, даже добавлял какой-то горькой дряни в овёс или в пойло. Приходилось употреблять.

Equus уже не помнила себя юной, период жеребьячества напрочь стёрся из её памяти. Лишь иногда в тишине душевных ночей ей вдруг мерещились какие-то зелёные сияющие пространства, какие-то очень большие тенистые деревья, множество пёстрых домашних птиц. Её посещало необыкновенное чувство лёгкого бега, почти полёта. И радость, и восторг!

Тогда она, вздрогнув, просыпалась, глубоко и шумно дыша, переступая, фыркая, распугивая ночной суетливый народец – мышей да крыс, которые бросались врассыпную из-под её ног, а иногда даже и скатывались с её спины. Ничего, совсем не вредные соседи. Много они всё равно не съедают, подбирают остатки.

Equus также никогда не знала коней. Иногда она улавливала где-то вблизи возбуждающий резкий запах конского гона, но с годами он стал ей даже противен. Иногда она сталкивалась морда к морде с горячими огромными конями, гарцующими под чернокожими Десятниками или другими служивыми, иногда она вдруг помимо своей воли чувствовала волнуемые приливы своего чрева, но все это ей было ни к чему, всё равно её участь – тащить телегу или дремать у коновязи. Так зачем все эти переживания? Одни неудобства! и она, многоопытная рабыня, гнала их от себя, занавешивая свой печальный взор пеленой бесконечной дрёмы.

Единственное, к чему она всю жизнь не могла привыкнуть – это к трупам в её телеге. Никогда! Никогда она не могла спокойно возвращаться из похода – её будто что-то давило сзади, будто вся энергия смерти холодила её круп.

Как они могут спокойно, как поленья или какие-нибудь там пыльные мешки с барахлом, перекидывать и перекладывать эти окровавленные тела своих жеребят? Да и где они берут их в таком количестве? а кровь – К её запаху невозможно привыкнуть! *Equus* боялась крови. Но что поделаешь, видимо, человеку и это зачем-то нужно, а если ему нужно – он не останавливается ни перед чем.

Однако в тихие ночи, когда *Equus* отдыхала, когда только мыши да крысы шныряли вокруг, её иногда посещала Подруга, наверное, такая же работающая, но просто более умная лошадь.

Equus вдруг чувствовала легкий толчок и просыпалась, если спала, или всё начинало слегка кружиться перед глазами, если она бодрствовала. «Здравствуй, – обычно говорила Подруга. – Как ты себя чувствуешь?» Она, эта неизвестная таинственная лошадь, всегда была

очень добра и внимательна. Её появление всегда было для Equus настоящим праздником, ведь это было единственное на земле существо, конечно, кроме хозяина, которое было добро к ней. Но Equus могла говорить с этой своей невидимой подругой, а с хозяином нет. А ведь даже язык зверей она не понимала! Так, лишь общий смысл всех этих мяуканий, тьяканий, рычаний, мычаний, пищаний и ржаний. В них было только: «не трожь», «моё», «здесь не ходи», «опять моё», «дайте жрать»...

Зато с Подругой, в те редкие минуты, когда та мысленно навещала её, они прекрасно друг друга понимали и могли сказать и рассказать друг другу многое.

Старая лошадь, конечно, понимала, что разговаривает не с какой-то обычной лошадью, а с необыкновенным и, наверное, очень могущественным существом, выбравшим именно её себе в подруги. Но это не пугало её, а только радовало – это было её единственным утешением и единственной настоящей радостью в жизни.

И она отдавала своей Подруге всю теплоту своей души, рассказывала ей все, что та хотела знать о походах с обозом, о людях вокруг, о хозяине-Вознице, о жизни в Городе, а взамен получала то, что никто в этом мире не мог ей дать: способность мыслить и возможность общаться, пусть даже только с этой единственной далекой, но такой замечательной лошадью.

– Как все-таки ты выглядишь, Подруга? – осмеливалась иногда спросить Equus у своей невидимой гостьи. – И где ты все-таки живешь?

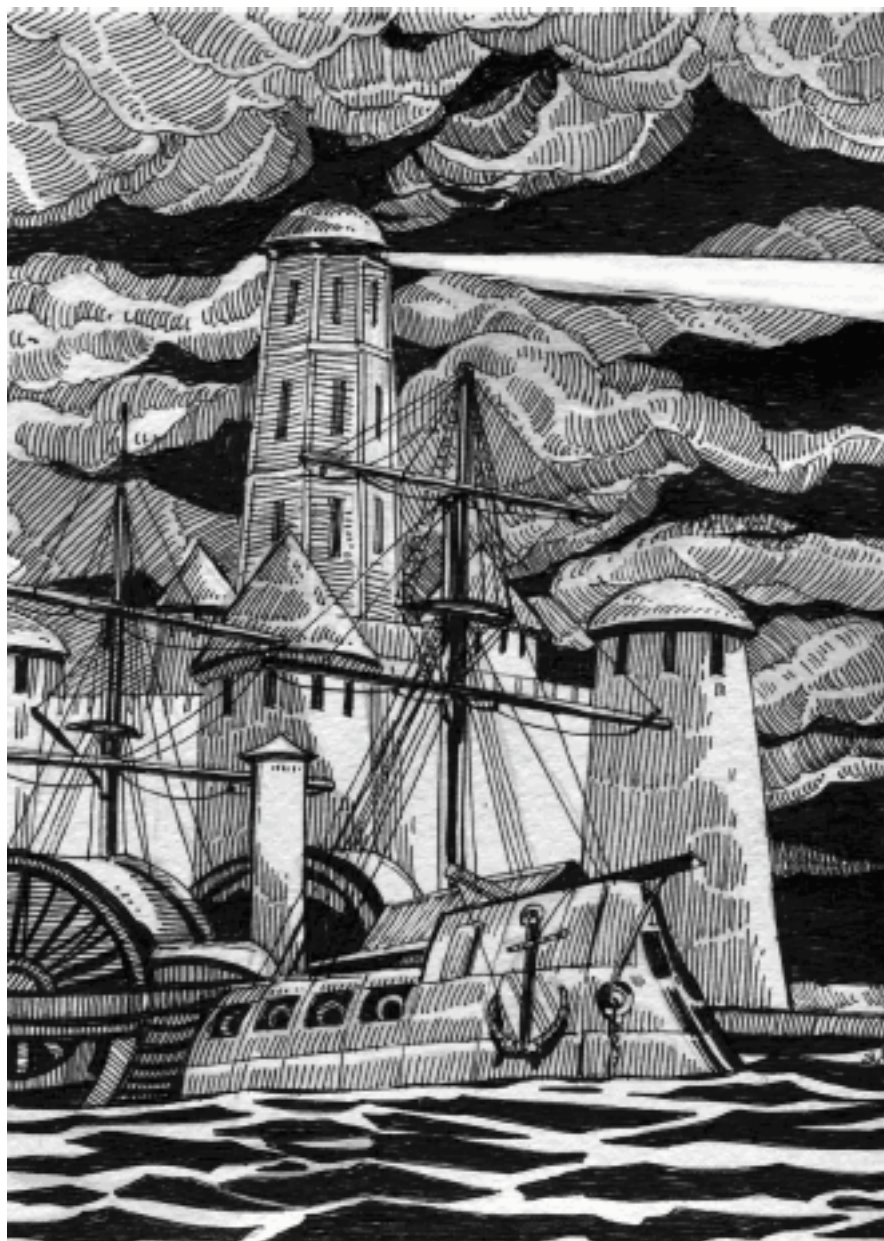
– Ты, наверное, забыла уже, дорогая, я ведь рассказывала тебе месяц назад об этом. Я такая белая, с длинной гривой и длинным хвостом, а живу я на дальнем севере за большими горами, в прекрасной конюшне, у одного великого правителя. У нас здесь все по-другому, поэтому я и прошу тебя поподробнее рассказывать мне обо всём, что ты видишь вокруг, обо всём, что с тобой происходит. Ведь это так интересно, а кроме того, я очень беспокоюсь о тебе! Ты мне так дорога!

Equus никогда не напоминала Подруге, что ещё в прошлом году та говорила, что она такая чёрная лошадь со стриженной гривой и живет она на дальнем юге в пустыне, и служит какому-то великому воину, а года три назад она объясняла, что она вообще совсем почти невидимая лошадь и живет она под землей в пещере среди каких-то полулюдей-полулошадей... и так без конца. Странная лгунья эта её подруга!

Добрая Equus, которая так дорожила дружбой с этим странноватым существом, никогда, однако, не напоминала Подруге о её маленьких ошибках или неточностях и уж ни в коем случае не думала, что та её обманывает преднамеренно! Просто, наверное, той так удобнее или легче. А ведь возможно ещё, что эта таинственная лошадь меняет периодически облик свой и хозяина, ведь меняют же люди одежду, меняют и жён! Всякое бывает на свете...

Equus рассказывала подруге обо всём, что видела сегодня или вчера, или недавно. Настолько подробно, насколько хватало её памяти. Подруга благодарно слушала и иногда только переспрашивала о всяких подробностях и мелочах, о которых Equus как-то и не задумывалась. Общение было приятным, Equus готова была бы болтать дни напролёт, но надо было работать, и Подруга вдруг исчезала, не успев даже попрощаться.

А дальше Equus ждала её появления, стараясь запомнить детали утомительных монотонных будней. Ей было важно делать подруге приятное и рассказывать ей обо всём увиденном за прошедшие дни. Это даже было забавно, это было как повторение всех событий, только без боли, жары и тяжкой работы. Как вторая параллельная жизнь.

6

Любопытный юноша неосторожно высунулся из-под трапа, и тут же кто-то намертво схватил его за волосы. В следующее мгновение страшная неодолимая сила вырвала его из воды.

Пловец почти двое суток не выходил из воды. Целый год он ждал того времени, когда море прогреется настолько, что можно будет не бояться переохлаждения. Каждый раз в такие дни он пускался в путешествия, отправлялся вдоль еле видимой кромки берега на Юг или на Север, уплывая достаточно далеко от деревни.

Любопытство гнало его, неудержимая жажда нового будоражила кровь. К таким путешествиям он готовился гораздо тщательнее, чем к обычным промысловым походам, когда они всей деревней на полдня уплывали в море за рыбой или дельфинами. В далекие плавания он собирал себе специальное снаряжение. На маленький плотик укладывал и тщательно закреплял великолепный кованый якорь на бечевке в тридцать локтей, выменянный несколько лет назад у каких-то моряков за огромного, почти в человеческий рост тунца, большую кожаную

флягу с пресной водой, флягу с молодым, но крепким вином, горшок с едой – сушеный инжир, виноград, финики, орехи.

Длинный свой любимый гарпун Пловец втыкал вертикально в плотик, превращая его в своеобразную мачту, к которой он привязывал шелковую тряпочку для точного определения направления ветра. Короткий нож, а также ласты, сделанные в виде бамбукового веера с натянутыми на него перепонками из толстой рыбьей кожи, всегда были при нём – нож на поясе, ласты на ногах.

Сам юноша, отправляясь в дальний путь, намазывался с головы до пят толстым слоем топленого собачьего сала с добавками камфары. Это средство предотвращало переохлаждение и отпугивало противных рыбёшек, которые то и дело пощипывали за разные нежные участки тела и очень доносили в пути.

В этот раз Пловец отправился на Юг – вдоль гигантских песчаных дюн, наблюдая за береговой жизнью, качаясь на небольших волнах, в это время года совершенно кротких и не угрожающих перевернуть плотик с припасами, который он тянул за собой на веревке, привязанной к поясу.

Как он любил море!

Днём он грелся лучах солнца, лежа на спине, или медленно плыл, наблюдая за морской жизнью вокруг. Утром и вечером он плыл быстро, без остановок. Ночью он спал, заякорив плотик в пределах видимости берега.

Спать в воде когда-то научила его Мать. Они убегали вдвоём из дома – Мать от побоев Отца, а он с ней, потому что без неё он не мог. Мать научила его всему, что так нужно было знать и уметь людям-рыбам. С тех пор прошло много лет. Мать умерла от укуса песчаной змеи, а Пловец остался один с Отцом и его новой женой, которые жили как бы сами по себе и юношу просто-напросто не замечали...

На второй день путешествия Пловец устроился на ночь недалеко от какой-то строящейся на берегу крепости. Уже горели костры, колыхались вместе с тенями людей, и, казалось, что покачивались частично возведенные до разного уровня стены, почти черные, опутанные сетью деревянных лесов, они играли тенями и красноватыми бликами, несколько лодок постукивали бортами у причала, а вообще было тихо – конец недели.

Раньше Пловец никогда не доплывал до этих мест, а может, и доплывал, но крепости здесь тогда ещё не было. Он не решался выйти на берег, он вообще дичился людей, чужих племён и горожан, интуитивно осторожничал и хорошо себя чувствовал только в море или в своей деревне, где все были родственниками и все были такие же, как он сам – очень высокие, очень худые, очень широки в плечах и очень голые.

Наблюдая за крепостью, юноша немного перекусил и вскоре задремал. Разбудили его громкие всплески и механический грохот где-то совсем рядом. Он оглянулся по сторонам и увидел вёсельную лодку необычно больших размеров, даже, скорее, не лодку, а корабль, похожий на галеру, но значительно больше, обшитый металлической броней, укрытый металлической крышей, с двумя рядами огромных длинных вёсел, а самое главное, с огромным колесом, увенчанным лопастьями-перекладинами, которое шумно вращалось на боку судна, отбрасывая назад потоки пенящейся воды.

Корабль шёл к берегу, этакое морское чудовище!

Пловец испугался и поднырнул. Мгновенно добравшись до дна, он посмотрел наверх и в черноте над головой увидел ещё более черную гигантскую тень судна с мерцающими по бокам тусклыми искорками факелов. Вынырнув на поверхность, Пловец увидел корабль сзади – на другом его боку было такое же колесо, вёсла уже были подняты и торчали под углом вверх, это было похоже на какую-то морскую колесницу. Судно выполнило крутой поворот с незначительным креном, у самого берега замедлило свой ход, колёса встали, и судно правым

бортом плавно причалило к пристани. На берегу возникло заметное оживление, из темноты зашумели голоса, задвигались факелы, там явно ждали этот диковинный корабль.

Пловец снова нырнул, упершись ногами в дно и взявшись двумя руками за бечевку, он выдернул якорь и всплыл с ним к плоту. Любопытство толкнуло юношу к берегу, он приблизился к железному кораблю и теперь уже мог рассмотреть его в подробностях. Это было грандиозно!

Кроме вёсельных отверстий, Пловец разглядел вдоль борта ещё один ряд отверстий-окон, очевидно, это были бойницы, так как в каждом из них поблескивали металлические наконечники огромных гарпунов. Стало ясно, что это военный корабль. Посреди крыши, укрывающей палубу как панцирь, торчала длинная чёрная труба, из которой тянулась в темное небо будто подсвеченная изнутри слабеющая струйка дыма. Наверное, это какая-нибудь печь для приготовления пищи, ведь накормить такую команду – дело нешуточное, только по одному борту Пловец насчитал тридцать весел, а сколько тогда всего человек на борту! Нос корабля представлял собой мощный бронированный клин, очень похожий по форме на острие гигантского копья.

Заякорив снова свой плотик, Пловец подплыл к самому корпусу судна и прикоснулся к его поверхности – холодный металл, не ржавый, гладкий как зеркало, с заполированными клёпками. Разглядел даже свою физиономию. Вот смешно! Оказавшись рядом с колесом, Пловец обнаружил, что оно забрано мощной металлической решёткой, в ячейки между прутьями он даже не смог просунуть руку. Сверху слышались голоса, крики, смех, отдельных слов было не разобрать. Поднырнув под корабль, Пловец оказался на другой стороне – прямо под мощным деревянным трапом, переброшенным с борта на берег. Корабль был пришвартован канатами, которые удерживали его вдоль каменных плит пристани. По трапу спускались люди, их было много. Они бряцали оружием и оживленно разговаривали. Юноша подглядывал за ними, хоронясь в чёрной воде в тени трапа.

«Целая армия!» – подумал он.

Тем временем солдаты выстроились в колонну на небольшом плацу перед строящейся крепостью, развернулись и, не особенно соблюдая строй, отправились по дороге вдоль стройки, освещая себе путь факелами. Колонна обогнула угол крепости и ушла прочь от берега, исчезнув из вида за одной из дюн, покрытых редким кустарником. Куда это они отправились? Несколько солдат остались на берегу, беседуя о чём-то с рассеянными у костров местными обитателями, очевидно, строителями крепости.

Из воды юноша плохо слышал, о чём говорят на берегу, но улавливал иногда язык, похожий на его собственный, но не родной. Это были чужаки. Люди на берегу жарили рыбу на вертелах, и Пловец тоже вдруг вспомнил об ужине.

Пожинав, он решил поспать немного, пока на берегу затишье, а впереди ещё полночи. Луна ярко освещала военный корабль, кажущийся неким морским драконом рядом с десятком мелких лодчонок. Крепость, железный корабль, солдаты, ушедшие в ночь – вот это приключение! Что происходит? Кто эти люди? Загадка...

Устроившись плечами и головой на краю плота, Пловец запил ужин глотком вина и задремал, покачиваемый тёплой волной. Над головой сияли звёздные небеса, Луна была полная, и горячий воздух предвещал ещё, по крайней мере, пару дней по-настоящему тёплой воды. «Как хорошо!» – подумал Пловец, окончательно засыпая.

В это же время на берегу никто и никак не мог ещё ни отдохнуть, ни вздремнуть, то ли от страшной жары, ещё источаемой раскаленными за день плитами набережной, то ли от отсутствия ветерка с моря, то ли от переполненных рыбой и вином желудков, а может, и от возбуждения, вызванного ожиданием возвращения солдат. Люди кряхтели, приглушённо переговаривались, ходили до ветру... Кто-то принялся хрипло петь...

...Пловец проснулся от яркого света – только что выглянувшее из-за крепостной стены солнце полоснуло по морской глади. Был абсолютный штиль. Железный корабль был на своем месте. Солнце, быстро поднимаясь ввысь, осветило вскоре и пристань, и плац, и строительную площадку. Люди, устроившиеся на ночлег кто на мешках с барахлом, кто на строительном мусоре, а кто вообще на камнях, теперь неохотно начинали шевелиться, потягиваться, вставать и бесцельно слоняться, почесываясь и разминая затекшие члены. Солдаты, ночевавшие на берегу, тоже просыпались, кто-то из них отправился на корабль.

Пловец немного уже замёрз и теперь, быстро перекусив, предпринял небольшой скоростной заплыв, чтобы размяться и согреться. Он понимал, что с берега или с корабля его могут заметить, но был уверен, что бояться нечего – никто не догонит его, в крайнем случае, он бросит плотик со всем добром и будет плыть под водой, выныривая как можно реже и плывя каждый раз в другом направлении. Так он уже однажды делал, когда в прошлом году разгулявшиеся пьяные Галерщики пытались догнать его на восьмивёсельной галере, чтобы прибить веслом. И прибили бы, но он ушел от них, не напрягаясь, ведь он плавал почти так же быстро как дельфин...

На берегу тем временем произошло оживление – группа, ушедшая ночью, возвращалась той же дорогой. Они шли торопливо, не соблюдая строй и громко горланя. Встречающие засуетились и устремились им навстречу, видимо, ожидая каких-то новостей.

А новости были. Солдаты несли привязанного к бревну чернокожего воина-великана, глаза и рот которого были завязаны. Выглядел он скверно – очевидно, упорно сопротивлялся. Один из солдат тащил на спине какого-то зверя. Пловец рассмотрел всё это со своей старой позиции – из-под трапа, куда он подплыл под водой, чтобы не быть замеченным.

Толпа приблизилась к кораблю. Четверо несущих бревно опустили его, кто-то пнул пленника ногой. Тот зашевелился и замычал. Вот это был здоровенный детина!

«Живой ещё», – подумал Пловец.

Солдат, несущий зверя на спине, сбросил его на землю перед собой. Все столпились над трофеями. Пловец успел заметить из своего укрытия, что это была небольшая горбоносая собака гладкой белой шерсти, закованная в искусно выполненные доспехи: панцирь, подвижные щитки, кольчуга. Голова её была неестественно вывернута, пасть открыта и окровавлена – собака была мертва. Пловец заметил также, что часть солдат были ранены, кто-то уже перевязан, кто-то только здесь начал заниматься своими ранами. Двоих, оказывается, вообще принесли на носилках, сделанных из копий и каких-то веток, один из них стонал, другой был мёртв – ему закрыли глаза.

Солдаты возбужденно переговаривались, отталкивая толпу местных зевак. И вдруг – все повернули головы в сторону Пловца. Сердце перестало биться в его груди – неужели заметили?! Пловец уже собрался нырять, но испуг оказался преждевременным, оказалось, это по трапу спускался кто-то, видимо, очень важный. Солдаты поумолкли. Трап скрипнул, и на каменные плиты ступила нога. Это была маленькая ножка в мягком замшевом сапожке. Полы белой накидки промелькнули с одного края трапа и дальше заскользили по камням. Даже со спины было понятно, что это была женщина. Невысокого роста, с острыми плечиками, собранными в хвост пышными черными волосами.

Любопытный юноша неосторожно высунулся из-под трапа, и тут же кто-то намертво схватил его за волосы. В следующее мгновение страшная неодолимая сила вырвала его из воды. Женщина в белом плаще обернулась и присвистнула, с любопытством разглядывая странное несуразно худое и невообразимо высокое голое создание. Сильные лапы толкнули юношу к её ногам. Пловец дрожал, он прямо-таки умирал от страха!

7

Свет-мой упала вперёд и набок и ещё короткий миг сквозь пульсирующую пелену видела перевёрнутый кроваво-красный мир – яркий красный свет, перекошенные лица. Уже вращались клинки, уже трещали древки топоров...

К празднику Головы Года Свет-мой уже начала понемногу ходить, очевидно, позвоночник не был повреждён, а временный паралич был вызван сильным ушибом. Она уже могла в меру возможности помогать Морской мыть себя, прибирать в своей комнатке, которую ненавидела страстно, как только можно ненавидеть тюрьму или больничную палату. Домочадцы частенько заходили к ней, Радость каждую свободную минуту поднимался наверх и подолгу болтал, рассказывая сестре о том, что творится в мире.

Фальшивые похороны, сообщил он, прошли нормально. Подкупленный чиновник из похоронной команды позаботился обо всем заранее. В результате один из трупов, уже прописанный в анатомическом театре, якобы за ненужностью был кремирован, а на самом деле его заново оприходовали и подсунули вместо трупа только что погибшего Воина – Дуба Сына-

льва. Но вернули труп не обратно к Докторам, а на одно из первых анатомических занятий последнего набора младшей роты, где малолетки от непривычки и отвращения сразу его и разделили. Таким образом, дело было состряпано.

Сердце Воина или то, что там было вместо него, с почётом водрузили в нишу и замуровали. На церемонии присутствовали все высшие армейские чины и кто-то из Большой Тройки. Юноша в составе своей роты был вписан в Книгу Героев. Отцу передали Грамоту и пенсионный вексель. Векселем уже сегодня Отец закрыл все долги. Какая-то сумма даже осталась. Может, ей что-нибудь нужно, так Радость побежит и быстренько всё купит?

Свет-мой ничего не хотела.

Злорадные соседи, продолжал Музыкант, при каждом удобном случае участливо интересуются, мол, как же вы теперь будете жить – мальчиков-то больше в семье нет, интересуются, мол, наверное у вас денег приколплено, дотянете до следующего ребенка, а вдруг опять девка родится?

А ещё, рассказывал Радость, в Городе беспокойно. Ходят по домам, народ допрашивают, некоторых приглашают в Канцелярию Горсовета – В последнем походе исчезли Десятник и Возница, остальные обозники ничего не знают, ничего не видели, ничего не слышали. Люди просто исчезли бесследно, а поиски не увенчались успехом.

В Горсовете тем временем подозревают заговор, ищут теперь хоть какую-то информацию.

Однако официально горожанам было объявлено, что Десятника и Возницу вместе с несколькими Воинами похитили отступающие язычники. Но народ в это не верит, ведь война уже много лет ведётся по строгим правилам, существуют всем известные договорённости и стороны соблюдают их из года в год! Никто никогда не видел этих язычников. Но это забота Горсовета, а для всех главное, чтобы система работала, деньги выплачивались бы вовремя, всем хватало бы еды и в домах не нарушалась бы рутина и покой.

Горсовет из всей этой истории, по-видимому, пытается извлечь выгоду – повсюду трубят о необходимости усиления армии, укрепления Веры. Горожане и так молятся как оголтелые, по всему Городу проповедники пристают к прохожим, чуть ли не насильно заставляют читать молитвы, напяливают на ротозеев свои религиозные побрякушки. Вяжут всем кожаные ремешки на руки...

Все к этому привыкли, никого это не раздражает. Пусть пристают.

Радость рассказывал эти новости сестре, ему очень хотелось хоть как-то развеять её скуку и грусть.

– Кстати, – говорил Музыкант, – исчез как раз тот Возница, который тебя домой привёз. К Отцу тоже приходили, допрашивали. Возница исчез уже в следующем походе, с младшей ротой. Всё допытывались, может, кто-то заметил что-то неладное? Отец сказал, что труп Дуба привезли очень поздно, после молитвы, и что никто этого Возницу даже не видел. Вроде бы ищейки отстали...

Свет-мой чувствовала, что брат тщательно пытается скрыть волнение. Она понимала: ищейки были рядом, Семья остаётся в опасности.

В вечер праздника Головы Года Свет-мой кое-как спустилась в гостиную. Семья не ждала никаких гостей, двери и окна были заперты, и бояться было нечего. Кто-то из соседей стучался – им не открыли. Морская вздохнула, лишний повод для пересудов и подозрений.

А что же ещё делать, как по-другому скрыть сестру? Однако сколько радости было в глазах домочадцев, когда Свет-мой появилась в гостиной! Отец, глядя на дочь, прослезился. Новый Год, Новый Год! Столько вкусного было на старом почерневшем деревянном столе: яблоки с мёдом, вино, орехи! Свет-мой впервые в жизни одела платье – чёрное, с белым кружевным воротом и глубоким вырезом на груди, его подарила ей Морская, которая сильно теперь растолстела после родов.

За время болезни у Свет-мой отрасли волосы, рыжей гривой они теперь обрамляли её белое лицо. Девочка стала героиней праздника, впервые все заметили, что она уже взрослая, что она девица, а не какой-нибудь Воин-подросток. А главное, она красива! и она жива, она выздоравливает, они все вместе! Воистину, этот год станет первым годом их новой жизни! Отец уже кое-что задумал...

Радость смотрел на сестру с восхищением, всю новогоднюю ночь он играл специально для неё. Мать почти не вставала со своего кресла, старость и болезни обезобразили облик этой некогда красивой женщины, но теперь, в кругу любимых детей, в центре Семьи, она чувствовала себя моложе, сюсюкалась с внучкой, забравшейся ей на колени, и с удовольствием пробовала всякие вкусности, которые подсовывали ей дочери.

Отец радостно суетился, старался быть сразу со всеми, а когда семейство наелось и навеселилось, он неожиданно попросил тишины и достал книгу. Драгоценную полуистлевшую книгу...

С замиранием сердца, рассевшись поудобнее, члены этой необычной Семьи вслушивались в мягкий монотонный голос Отца. Свет-мой сидела рядышком, стараясь не показать страшную усталость, навалившуюся на неё уже давно...

И слушала, слушала, слушала...

В какой-то момент всё исчезло и перед глазами очарованной девушки понеслись волшебные картинки неизвестных миров, сказочно ярких фантастических образов...

Отец читал до утра.

Семья пропустила время молитвы, но никто особенно не расстроился. В щели между ставнями уже бил солнечный свет, с улицы слышались голоса – горожане, гулявшие всю ночь, расходились теперь по домам спать.

Пора было спать и им, тем более что Мать уже тихонько похрапывала в своем старом кресле. Отец тоже устал, голос его осип, но глаза горели. Малышка давно уже сама убежала в постель. Радость пристроился в углу на табурете и всё время норовил с него свалиться.

– Хорошей ночи! – пожелали они друг другу и разошлись, оставив Мать в гостиной. Свет-мой, поддерживаемая Музыкантом, поднялась к себе на чердак, захватив с разрешения Отца его книгу. Девушка не раздеваясь легла на постель и взяла в руки книгу. На её черной потрескавшейся обложке белыми полустёртыми ровными буквами было написано на одном из древних языков «HYDRA SAPIENS» и ниже – видимо, имя автора – Пёс.

Музыкант тихонько удалился.

Свет-мой раскрыла книгу по закладке и начала читать, но чтение не доставило ей никакого удовольствия. Речь шла о каких-то совершенно непонятных вещах.

«...Давным давно, наверное ещё во времена Алладина, большая часть крупнейшего полуострова на нашей планете представляла собой пустыню, населенную племенами кочевников-бедуинов. Однако на плодородных землях по берегам Красного моря и Индийского океана были разбросаны постоянные поселения, откуда брали начало караванные пути – через горячие пески и каменистые пустоши полуострова в богатые города Центральной Азии. Вдоль этих торговых путей на караванной торговле процветали редкие оазисы, в том числе небольшие городки, которым в истории одной из самых молодых современных религий было суждено сыграть ключевую роль.

Наш Герой родился в одном из таких небольших городков в семье погонщика верблюдов через более чем пять с половиной веков после всем известных событий с участием римского прокуратора Пилата. Семья его прозябала в нищете и в полной изоляции от культуры и образования. Отец его умер незадолго до рождения сына, а мать умерла, когда мальчику исполнилось всего лишь шесть лет, оставив сына сиротой. Наш Герой воспитывался сначала дедушкой, человеком исключительной набожности, а затем – дядей, не очень преуспевающим торговцем.

Потеряв родителей в раннем возрасте, закалённый ежедневной борьбой за выживание, с подросткового возраста Наш Герой проявил природную хитрость и изворотливость – стал заниматься караванной торговлей на службе у одной богатой вдовы и вскоре выучил на слух несколько чужих языков, а также приобрёл разносторонние знания о жизни в разных уголках соединяемого караванными путями мира. Понимая, что в существующих условиях лучшей карьеры ему не сделать, он в свои двадцать с небольшим лет приударил за хозяйкой и вскоре женился на ней, уже успевшей к тому времени дважды овдоветь.

Стеснённый зависимостью своего положения, молодой супруг порой впадал в уныние и удалялся в горы, где он мог никем не замеченным предаваться фантазиям и мечтам о более достойной жизни, покуривать доступные в те времена зелья и вообще отдыхать от трудов праведных.

Спустя некоторое время его привычка бродить по окрестным горам и размышлять о превратностях судьбы, видимо, принесла плоды. Эта полная событий ночь в последствии даже получила специальное название в анналах истории и тогда ещё не родившейся новой религии. Когда Нашему Герою было около сорока лет, он в очередной раз бродил в горах, предоставив своему телу немного отдыха, а душе немного свободы. Неожиданно в нахлынувшем внезапно видении перед ним в сиянии лунных лучей предстал ангел и, указав на явившиеся как бы извне и выписанные серебристым лунным светом на склоне горы слова, велел поражённому мужчине произнести их. Тот было воспротивился, заявив, что неграмотен, а посему не сможет их прочитать, но ангел настаивал, и Наш Герой поднапрягся – И ему вдруг открылся смысл этих слов.

Ему велено было выучить эти слова и в точности передать остальным людям. Таким вот образом и ознаменовалось первое откровение будущей Книги.

Определённые знания об иудейской культуре и религии, тайная зависть к фигуре Иешуа из Назарета, уже возводимого тогда ещё немногочисленными христианами в ранг Сына Божьего, подтолкнули Нашего Героя к оригинальной идее – он стал регулярно надиктовывать помощнику, владеющему грамотой, якобы переданные ему заповеди ангела и одновременно позаботился о том, чтобы об этом прознали соплеменники.

В нищем сообществе караванщиков и пастухов, тогда ещё поклоняющихся множеству языческих богов, естественно, никак не помогающих им в повседневной нелёгкой жизни, и интуитивно готовых принять любую, лишь бы альтернативную иудейской или христианской концепцию единобожия, эти усилия незамедлительно вызвали эффект индукции. Многие присоединились к Нашему Герою и стали внимать его проповедям, передавать из уст в уста всё новые и новые истории о своём кумире и о его общении с ангелом. В окружении Нашего Героя не было грамотных людей, кто когда-либо читал Тору и смог бы уличить ловкача в плагиате. Они просто слушали его и всё больше и больше верили ему.

С этого момента и началась история восхождения нового пророка. Деловая хватка и природная сообразительность подтолкнули Нашего Героя к активным действиям.

Одержимый идеей проповедничества, не имея за спиной особого состояния, какого-либо образования и поддержки, молодой предприниматель сделал ставку на тотальную религиозность своих современников и использовал сценарий с уже проверенной историей главной ролью – ролью проповедника претендующего на звание пророка.

Наш Герой был умным и талантливым человеком. По образу и подобию Торы он записал послания ангела стихами, вошедшими в древнейшую часть священной Книги, которая в окончательной форме включила в себя более ста откровений, ниспосланных ему за двадцать два года головокружительной карьеры.

Итак, Наш Герой начал проповедовать, смело утверждая, что есть лишь один всемогущий и всеведущий Бог, а путь к спасению лежит не через любовь и познание Всевышнего, а через полное подчинение Его воле. Ничего нового в концепции единобожия не было, но

именно подчинение или покорность стало сутью названия новой веры, а её последователей стали называть покорными.

В то время тамошние племена были закоренелыми язычниками, среди которых, впрочем, выделялись немногие приверженцы единобожия. Большинство людей жили кочевой жизнью на исконно принадлежащих им территориях, уже в то время традиционно недолюбливали более удачливый в торговле и социальной жизни иудеев, преследовали и всячески притесняли немногочисленных христиан, религия которых ну совсем уж противоречила жёстким условиям существования и выживания в том мире.

Успешно начав на новом поприще, в своём родном городе Наш Герой собрал небольшую группу приверженцев, куда вошли в основном ближайшие родственники, но его учение на этот раз не получило всенародной поддержки. Ведь своим благосостоянием этот город в те времена был обязан толпам паломников, приходивших помолиться в местный Храм, посвященный сотням различных богов и духов, которых новоявленный пророк отважно объявил несуществующими лжебогами и лжедухами.

Вскоре умерла его жена. В этом же году скончался и дядя его, многие годы защищавший Нашего Героя от самых яростных нападков со стороны соплеменников, не желавших и слышать о единобожии. Этот год стал воистину трудным для Нашего Героя. Потеря жены и дяди ослабила его позиции, но он не останавливался и продолжал настаивать на своей исключительности и проповедовать с ещё большим рвением основы собственной новой религии. Упрямства ему было не занимать!

Горожане не хотели беспорядков и не нуждались в смутьяне, поведение которого могло подорвать экономику и благополучие города, полностью зависевшего от туризма. Положение стало настолько опасным, что однажды Наш Герой со своими последователями вынужден был покинуть родной город, на жителей которого он теперь затаил неизбывную тайную обиду.

Традиционная дата его бегства из города позднее стала считаться первым днём первого года нового календаря. Обиженный проповедник нашёл приют в соседнем городке, где его еще не знали, где дела вдруг пошли лучше и где он быстро завоевал авторитет как посредник в спорах и начал привлекать к своему делу всё новых и новых адептов. Здесь Наш Герой не решился сразу выскочить на трибуну со своими проповедями, а занялся сначала бизнесом. Надо было сначала заработать денег! Ведь как всегда и везде – деньги решали всё.

Отсутствие реальных институтов судопроизводства в то время процветало так называемое посредничество в спорах, которое требовало изворотливости ума, природного таланта убеждать и искусства виртуозного словоблудия. Всеми этими качествами обладал Наш Герой, к тому времени уже получивший определённый жизненный опыт и изрядно поднаторевший в ораторстве.

Неплохо заработав на таком посредничестве, он вскоре стал узнаваем и уважаем в определённых кругах жителей этого городка. Одновременно он неустанно трудился над поддержанием имиджа Пророка.

В конечном счете, жители городка признали его Божьим Пророком и совершили под его началом несколько настоящих военных походов на родной город Нашего Героя. Это была его месть когда-то изгнавшему его городу. Новый Пророк экипировал свои войска на собственные деньги и на жертвования преданных ему соратников и их семей. Его армия состояла из искренне веривших ему однопартийцев и наёмников.

После падения и разорения родного города Наш Герой теперь вернулся на родину полноценным владыкой, сразу уничтожил почти четыреста идолов в Храме и посвятил этот храм единому Богу. Свою религиозную революцию Наш Герой отпраздновал уничтожением политических противников, захватом городской власти и основных бизнесов, что ещё больше укрепило его положение в обществе и пополнило кошелек. По сути это был обычный политический переворот, целью которого, как всегда в таких случаях, являлось перераспределение капитала.

Ко времени смерти пророка почти весь полуостров был обращён в религию Покорных.

Концепция самоуничужения и самопожертвования во имя Бога, с одной стороны, и практически легализированное право каждого правоверного унижать или даже убивать непослушных и инакомыслящих, начиная от собственных жён и кончая политическими врагами и бизнес-конкурентами, с другой, сплотили полуголодное население этих бедных природными ресурсами территорий в единый мир.

В те далёкие заскорузлые времена они ещё не знали, что прямо под их ногами зреет и томится в земных жилах чёрная жирная кровь, которой северяне смогут обогреть свои дома, кормить автомобили, самолёты и корабли, которая станет мерилем торговли и взаимоотношений между странами и народами. Тогда Покорные ещё не знали, что когда-нибудь им не придётся терпеть невзгоды и лишения – достаточно окажется подпустить иноверцев к пульсирующим венам матери-земли, и эти алчные вампиры сами послушно пойдут к ним в услужение, понесут им свои богатства, откроют им двери своих домов и вообще в обмен за чёрную кровь отдадут им всё, что у них есть...»

...Что-то громынуло вдруг на улице и Свет-мой отвлеклась.

Она попыталась начать читать снова, потом захлопнула книгу, провела бледными пальцами по вытесненным на обложке названию книги и имени автора. Какое странное имя – Пёс... Какое странное название книги – «HYDRA SAPIENS»...

Она на мгновение задумалась о прочитанном, но помимо её воли мысли вдруг закружились и она полетела вслед за ними, ведомая неумолимой памятью в ту самую страшную в её жизни ночь, в ту самую немыслимую и единственную в её жизни битву...

...Рота стояла боевым порядком, слева и справа над обрывистыми берегами виднелись фигуры Десятников на их огромных лошадях, одуревшие от нетерпения собаки повизгивали и рычали. Ротник прокричал напутственные слова и отошёл, как положено, во фланг. Воины судорожно сжимали свои мечи и топоры, быстро переступая с ноги на ногу, поддерживая друг друга злобными выкриками. Вот-вот из-за поворота должны были показаться первые ряды противника, как предсказывал Ротник.

Так было установлено, из года в год Война происходила не стихийно, а упорядоченно, по правилам, и Воины об этом знали заранее. Приблизился полдень, никто не обращал внимания на жару. Дуб Сын-льва топтался и подпрыгивал между двумя другими Воинами, одним из которых был Воробей.

Искоса поглядывая на него, Свет-мой удивлялась его до неузнаваемости изменившемуся лицу – маска злобы и ненависти обезобразила лицо друга, квадратный рот эхом отзывался общему гулу – «Э-э-эх, у-у-ух!» Ожидание становилось невыносимым. И Свет-мой вдруг испугалась. А вдруг не получится, что задумано, а вдруг они разлучатся в предстоящем бою, а вдруг Воробья убьют! Да и вообще, что же здесь будет?

Неожиданно над головами зажужжало и загудело, обдало ещё более жаркой волной. Все подняли головы – А там, о Господи, распростёрлась в полнеба огромная чёрная тень, стремительно увеличивающаяся и приближающаяся.

Никто ничего не успел сообразить, в мгновение со страшным свистом в землю, в камни, да-да – прямо в камни, вокруг обалдевшей роты воткнулись тысячи металлических пик, тянувших за собой прямо с неба чёрную стальную сеть. Вооруженное до зубов стадо детей присело, ухнуло разом, пригнув от неожиданности головы. Но сеть не упала на них, а натянулась, загудев металлическими канатами, и образовала гигантский шатер, уходящий в небо к черному, заслоняющему Солнце огромному висящему в небе шару.

Это была исполинская уходящая ввысь клетка!

Шок ненадолго остановил бойцов, но вот уже многие из них пытаются выдернуть из земли толстые пики, выросшие стальным частоколом, через который не протиснулся бы

и двухлетний малыш. Кто-то уже забрался по плечам вверх и пытается рубить проклятую сеть. Тщетно! Ловушка нерушима. И непоколебима. Но что же будет? Где и кто этот враг?

Вдруг, услышанный всеми, негромкий, но проникающий в каждое ухо, твердый голос произнес:

– Воины!

Все замерли, остановились. Голос шёл, казалось, сверху, из шара.

Воины, ваша жизнь закончена, это ваша первая и последняя битва! – голос был какой-то бесполой, но властный, боль и дрожь пронзали всё тело от его монотонного колебания. – Вы не герои-спасители, вы не армия освободителей! Вы – стадо! и я могу сделать с вами всё, что пожелаю! Вас выращивали по моему заказу, для моих собственных целей! и вы умрёте для меня!

– Где ты, гад! Выйди, покажись! – кричали самые отчаянные, размахивая оружием. Новая волна движения прокатилась по роте – искры сыпались от ударов стали о ещё более прочную сталь клетки.

– Вы умрёте для меня, но не все! в этом и есть моя цель – лучший боец или лучшие бойцы, оставшиеся в живых под этим куполом, получают шанс новой жизни! Сказочной жизни! Вперед же, воспользуйтесь последним шансом! Убейте друг друга!

«Что же это? Мы – гладиаторы? Мы должны убивать друг друга? – вдруг подумала Свет-мой, вспомнив героев какой-то отцовской книжки. – Не может этого быть! Мы не гладиаторы, мы не должны убивать друг друга! с нами не должно было такого случиться! Мы же воюем с дикарями! Мы воюем за наши дома, за наши Семьи, за наш Город!»

Напряжение в толпе нарастало.

«Как всё-таки выкрутиться?» – быстро соображала она.

Оглянулась. А где Ротник?

Оказалось, что Ротник и Десятники быстро и ловко вбивают вокруг купола колья и призывают к ним бешено лающих бронированных собак.

– Убейте всех! Убивайте друг друга! и самый сильный останется жить! Ну же! я приказываю вам! – бесновался голос с небес.

Свет-мой, озираясь по сторонам, пыталась определить, что же теперь необходимо предпринять? Она увидела, как один из Воинов с новой силой принялся рубить решетку, но вдруг яркая вспышка, ещё ярче летнего Солнца, ослепила мечущуюся толпу, и многие увидели, как у этого парня голова прямо-таки разорвалась с треском и дымом, ошпарив окружающих брызгами крови.

– Кто следующий?! – взревел тогда поднебесный голос – И у другого Воина после короткой вспышки грудь, защищённая латами, разорвалась как перебродившая банка варенья, выбросив наружу всё содержимое. Воины оторопели, многие опустились на землю.

– Всех перебую, как лягушек! – неистовствовал демон с высоты. – Или всё-таки кто-то хочет остаться жить!

– Кто-то хочет! – последовал чей-то ответ.

Свет-мой услышала этот короткий выкрик где-то совсем рядом. В следующее мгновение она увидела, как Воробей, её тайный дружок и вздыхатель, резким ударом погружает свой меч по самую рукоятку в незащищенный живот товарища.

Свет-мой, вскинув руки, бросается к нему – надо немедленно его остановить, надо остановить эти чудовищные убийства!

Кто-то уже преградил ей путь, взмахнул мечом. Она увернулась или почти увернулась. Грудь обожгло, она увернулась опять, проскочила и бросилась к другу.

Но Воробей, ловкач и признанный ротный чемпион по фехтованию, сделал шаг в сторону и, как бы пропуская её мимо себя, выдернул окровавленный меч из живота упавшего на колени товарища, ловко перевернул его и нанёс короткий, но сильный удар костяной руко-

яткой прямо между лопаток метнувшись к нему рыжеволосому Дубу Сыну-льва. Свет-мой упала вперёд и набок и ещё короткий миг сквозь пульсирующую пелену видела перевернутый кроваво-красный мир – яркий красный свет, перекошенные лица.

Уже вращались клинки, уже трещали древки топоров, и вот он совсем рядом, Воробей, уже развернувшись в другую сторону, бросился на того, кто ранил девушку.

– Живи, любимая! Только живи! – сквозь стиснутые зубы неистовым хрипом, каким-то яростным диким шёпотом будто кричал Воин. Его широкая упругая спина погасла последним красным пятном в подступающей темноте, затихли вскоре и звуки...

Свет-мой потеряла сознание.

8

Так и люди, так и у них всегда – они встают из пепла и неуклонно стремятся вверх, чтобы столкнуть однажды с вершины мироздания тот самый осколок скалы, который уничтожит их собственный дом.

Гидра могла очень многое, но далеко не всё. Телепатическая власть её над людьми ограничивалась физическими расстояниями и распространялась или только на тех, кто был с нею рядом, или на собственных, специально подготовленных реципиентов. Последние, выросшие в её биологически-механическом чреве, рожденные людьми или даже самой Гидрой, составляли население её замкнутого мира, который она так ловко построила и так ревниво охраняла.

Вне старого отработанного карьера, в котором она обитала, в тех далёких пределах, о которых она лишь мечтала, жили другие народы – разведчики сообщали ей обо всём, что видели в дальних походах.

Они возвращались совершенно вымотанными, уставшими, но переполненными эмоциями. Обескураженные картинками увиденного разнообразия жизни, перегруженные новыми знаниями, они тащили отовсюду те крупницы информации, по которым Гидра могла создавать свою картину мира и судить о происходящем. Во время долгих немых диалогов, больше похожих на допросы, они увлечённо рассказывали ей о том, что видели, что нового узнали.

Несомненно – там была жизнь! а здесь? Что здесь?

Мёртвая раскалённая пустыня, древнейшая цивилизация, берущая свои истоки ещё в допотопные времена, когда на Земле ещё были материки, а не острова и архипелаги, во времена, когда семь миллиардов людей управляли технологиями, изменяющими саму Природу, и ещё не знали, и даже и не подозревали о том, что их ожидает.

Что ж, всё течёт и всё изменяется!

Они, эти человеки, теперь начинают жить заново, потеряв всё, что имели, и забыв всё, что знали, а она, Гидра, терпеливо ждёт, наблюдает и строит собственные планы, прячась в выработанном карьере среди горячих солончаков. Но какая же здесь тоска, забвение и безысходность!

Гидра слушала своих разведчиков, почти не перебивая, лишь изредка задавая вопросы, и то только для того, чтобы направить их мысли и их воспоминания в нужное русло. В конце она всегда задавала им свой традиционный вопрос:

– Ты тоже хотел бы там жить?

И, получив честный однозначно утвердительный ответ, всегда спрашивала разведчика:

– Как?

Как выйти из подполья, как предстать перед людьми, как абсорбироваться? с кем можно иметь дело? Вопросы, вопросы, вопросы. Ни один народ не примет её – это тысячетонное чудовище, животное-город, человекогидру, заполнившую своим гигантским пузыристым многоэтажным телом весь карьер на сотни метров в глубину и в ширину. Ни один народ не поймет её морали, её образа жизни, её самоорганизации. И уж тем более ни одному из ныне живущих

народов она не рискнула бы передать свои знания – от уникальных технологий генной инженерии до управления термоядерными процессами.

Даже смешно и подумать об этом! Уже ли ей, впитавшей в свой бессмертный мозг мириады человеческих мыслей, организованных в целые личности, жизни, поколения, уже ли ей, обличённой уникальными вселенскими знаниями, не предвидеть, что подумает по её поводу Человек, что и как он предпримет, познакомившись с ней, узнав о её существовании. И ведь обязательно предпримет!

Нет, люди не смогут понять непонятное, люди не смогут принять непонятное – их мозг примитивен, их мир пока ещё существует только благодаря закону муравейника. Сколько катастроф обрушивали они сами на собственные головы!

Теперь, когда их цивилизация делает очередной виток от забвения к техническому прогрессу, так странно наблюдать за тем, что уже состоялось на её глазах несколько раз, будто вновь и вновь повторяется многократно отыгранный сюжет, раз за разом прокручивается старая кинолента. Она видела, как Человечество поднималось до высочайших технологических высот и падало вниз, почти уничтожив само себя и свою планету, несколько раз. И теперь она наблюдает за людьми, как они встают с колен, как их самые умные и предприимчивые представители повторяют изобретения прошлого!

Вот у них уже появилась паровая машина. С порохом, правда, припозднились. Но вот зато подводные лодки собрались строить. Теперь очередь за электричеством! а будет электричество – будет всё. И тогда они, возможно, доберутся и до неё, Гидры. Но она устала спокойно наблюдать и бояться их, этих ничтожных муравьёв, бояться наступления тех времён, когда у них появятся автомобили, радиосвязь, летательные аппараты... Когда они станут сильнее её...

Надо их опередить...

Прогресс! Зачем он им нужен? Они же никогда не умели правильно пользоваться его достижениями. Уж она-то знает, живая свидетельница многократных циклов их гибели и возрождения. Прогресс – хорошо, но что дальше? а дальше – войны, конечно же, войны! Нет, не скромные тактические игрища, разогревающие кровь, а Смерть как образ жизни, как модель цивилизации, когда сама земля загорится под ногами. Да они и без электричества уже близки к этому! Весь этот пресловутый человеческий прогресс – только инструмент для взаимоуничтожения, а в конечном счёте и для самоуничтожения.

Выживут единицы!

И опять она будет столетиями скучать в своём одиночестве и со страхом ждать, когда они опять раскрутят свою историю до сверхскоростей и станут искать смерти для всего, включая свою планету, которую она, Гидра, считает своим домом и не сможет покинуть никогда. Вот именно! Может, однажды люди найдут её и уничтожат, а она даже не сможет им противостоять. А может, однажды они решат покинуть выпотрошенную планету, сядут на свои космические корабли и улетят навсегда, а напоследок – взорвут Землю вместе со всеми её уцелевшими обитателями, включая бессмертную Гидру...

Нет, этого допускать нельзя. Надо уничтожить муравьёв, пока они не уничтожили её саму, пока их новая цивилизация в самом начале технического развития!

Однако нельзя уничтожить муравейник, только лишь разрушив его архитектуру и вытоптав муравьёв ногами. Если останется их хотя бы несколько, они создадут новый мир: рабочие муравьи превратятся в муравьёв-солдат, один из самцов превратится в самку и отложит яйца, – так, низвергнутые с вершины своей цивилизации, они откроют новую страницу и станут без устали строить новый муравейник до тех пор, пока, например, не явятся полчища других муравьёв, которые окажутся сильнее и многочисленнее. И опять выживут единицы! и если их останется хотя бы несколько, они снова создадут новый мир.

Тьфу ты, сказка про белого бычка!

Так и люди, так и у них – они встают из пепла и неуклонно стремятся вверх, чтобы столкнуться однажды с вершины мироздания тот самый осколок скалы, который уничтожит их собственный дом.

Порочная практика, порочный, заведомо порочный биологический вид!

Так думала Гидра.

Каждый раз она ждала возвращения разведчиков с нетерпением и каждый раз после допроса она стирала их память начисто, а в опустошенный мозг снова вкладывала только то, что ей самой было необходимо. Они вновь уходили и вновь возвращались с информацией. Сколько труда ей стоило внедрить десятки человек в разных местах, у разных народов, правда в пределах географической досягаемости. Она подбирала своих шпионов из тех, у кого в силу их индивидуальных особенностей диапазон телепатической трансляции был расширен до сотен километров.

Она внедряла их резидентами помимо их собственной воли, она контролировала их поведение на расстоянии, она моделировала их поступки – их воля была её волей. Горский крестьянин, жена галерщика, член Городского Совета и многие-многие другие – они были её глазами и ушами в этом пока ещё неподвластном ей мире людей. Они, сами того не подозревая, вершили её хитроумную режиссуру в этом реалистическом театре.

Ах, какая это была забавная игра! Дёргать за ниточки этих безмозглых муравьёв, незаметно, из подполья, влиять на жизни тысяч людей, потихоньку, осторожно, но неуклонно, настойчиво, веками, буквально веками, готовить свой сольный выход!

Презрение к людям, отвращение и злость терзали Гидру не меньше, чем тяга к их миру, полному радостей и трагизма, полному живого разнообразия. Иногда Гидра даже вспоминала, что и она, собственно, создана человеком, что в её уникальном мозгу собраны знания, не свалившиеся откуда-то с неба, а почерпнутые ею в течение тысячелетий именно от этих муравьёв.

Гидра страдала. Ведь и она была частью этого мира, детищем одной из предыдущих человеческих цивилизаций. Так продолжалось долго, нечеловечески долго, теперь она и сама уже точно не помнила, на котором году от своего рождения она решилась, но главное, что она решилась. Хватит просто наблюдать – нужно действовать! и она построила план и начала свою игру. Или она сможет захватить власть над людьми, или когда-нибудь они её уничтожат. Или уничтожат планету. Нет, она начинает действовать!

Боже, как это оказалось интересно!

Когда первые любопытные дуралеи из уцелевших в последней тектонической катастрофе людей двинулись на Юг её чудом не опустившегося под воду Острова, некогда являвшегося небольшим участком суши между двумя гигантскими континентами, она не стала просто маскироваться, как она делала тысячелетиями, засыпая себя многометровым слоем грунта, уходя далеко под землю со своими людьми. Нет! Она пошла им навстречу, она сама сделала первый шаг: выслала вперед ораву только что клонированных близнецов с единственным отпечатанным в их мозгу приказом – убить! Она создала прецедент, этой агрессией она расширила границы своего легального существования, она обозначила территорию.

Так у людей, населяющих Остров, возникла легенда о жестоких язычниках, населяющих пустыню. Когда разведчики донесли, что кто-то на ещё в то время допотопных лодках пошёл на Юг её, Гидринога, Острова по морю, она поступила ещё красивее, как бы демонстрируя, пусть даже и самой себе, степень своего могущества – она подняла рифы!

Способами воздействия на низших животных она владела в совершенстве. На этот раз кораллы, обычно размножающиеся раз в году, под воздействием созданных Гидрой специальных генно-модифицированных вирусов в считанные месяцы многократно размножились, совершив последовательно тысячи циклов своих примитивных жизней и выстроив по всей акватории южной части Острова гряду совершенно непроходимых для кораблей молодых рифов.

В принципе Гидра могла бы вообще уничтожить людей – ей это ничего не стоило. Например, организовать биологическую катастрофу, изменив генетические структуры микроорганизмов, наслать на людей мор, эпидемии – всё это было в её силах. Но она не хотела этого. Отчасти потому, что люди были индикаторами жизнеспособности всей планеты, само их существование, а тем более их развитие, свидетельствовали об экологическом равновесии, временно установившемся на Земле.

А кроме того, – И это было мучительнее всего, – несмотря на затаённую злость и раздражение, несмотря на бесконечное ожидание проблем и чувство угрозы, она порою даже любила этих баловней природы. И главное, какая-то часть её многомерной души хотела вернуться к ним, в их окружение. Она ещё помнила свою мать и первый опыт жизни среди людей, обитающих в её лаборатории...

И Гидра однажды поняла, что возможны несколько сценариев её взаимоотношений с главным биологическим видом на этой планете – или уничтожить их, или интегрироваться с ними. Последнее ей представлялось возможным только через полное и безусловное поражение Человечества.

Но как это сделать? Ясно только одно, это займет уйму времени. А уж этого добра у Гидры было предостаточно. Люди ещё слабы, до электричества, по её прикидкам, им было ещё несколько веков. Есть время подготовиться. Но где найти инструменты интеграции, инструменты безопасного внедрения в человеческую среду?

Гидра долго искала и однажды нашла – да это же сами люди! Она создаст свой собственный народ! Нет, не этих её собственных послушных зомби, далёких потомков тех, кто обслуживал её когда-то в древние времена и уже утратил собственное Я. А новых, настоящих и самых лучших! Да, она создаст их сама для себя и населит ими Землю. Она заменит один вид другим. Просто посадит в гнездо своего кукушонка, и выкинув всех остальных, он вырастет ей на радость – сильный, желанный, послушный.

Новые люди заживут по её законам и под её контролем. И она будет с ними, она будет среди них, в каждом из них, она будет над ними! Вот это будет цивилизация – никаких войн, никаких случайных открытий, всё по плану, по сценарию! Всё будет крутиться вокруг неё, и только она одна станет настоящей хозяйкой планеты. Но для этого нужно сначала ослабить то, что есть у людей сейчас, расшатать систему изнутри.

Многое уже удалось. Следующий шаг – уничтожить старых людей, но только их, только людей, только этих дурацких *Homo sapiens*. Чтобы не нарушить равновесие в природе. А на их место внедрить своих – поштучно, эквивалентно. Вот это Цель! Вот это Идея!

Додумавшись до этого, Гидра несколько дней радовалась гениальности своей идеи и даже не могла сосредоточиться для дальнейших размышлений.

Вскоре эйфория прошла, и Гидра начала готовиться. Она стала работать, потихоньку, из подполья, играя в человеческие игры, оперируя человеческими категориями.

Первый шаг был удачным – она оградила себя от них.

Теперь весь юг Острова безраздельно принадлежал ей одной. Никто, абсолютно никто больше не пытался углубиться в пустыню по суше. Никто не плавал в её морях. Никто не летал над ней – они, эти глупые муравьи, ещё не научились летать, а ведь это так просто!

Зато она, всезнающая и всеумеющая, частенько навевалась к ним на своём построенном на подземном заводе воздушном корабле, не она, конечно, сама, а группа её разведчиков, преданных рабов. Гидра как бы наблюдала за людьми их же глазами, изучала человеческую жизнь изнутри и снаружи – везде. И она видела, что и на её Острове, и на ближайших островах и архипелагах было одно и то же – люди постепенно и не везде синхронно, но последовательно и неотвратимо приближались к началу той самой фазы своей цивилизации, которую она назвала предтерминальной. Пора было вмешаться!

К сожалению, Гидра не могла знать и не могла оценить того, что происходит за тысячи и десятки тысяч километров от её Острова, но она надеялась, что на Земле всё примерно одинаково и недоступные ей уголки планеты развиваются так же, как человеческая цивилизация на её Острове.

Гидра развивала свои технологии и в своих подземных лабораториях достигла огромных успехов в клонировании, генной инженерии и биотехнологиях. Она изучала людей и постепенно всё больше и больше внедрялась в их жизнь.

Она даже научилась говорить с людьми в реальных децибелах, не мысленно, а по-настоящему – через лептонный звукосинтезатор. Например, так она общалась со стадом этих малолетних городских вояк, поставляемых ей Городом в качестве экспериментальных экземпляров, из которых она выбирала лучших, сильнейших и забирала их для своих опытов.

Гидра как бы играла теперь в их человеческие игры, режиссируя незаметно, тайно, и это было великолепно! Она очень заботилась о красоте игры, о подлинности бутафории. Даже монетки, которые она передавала в городскую Казну за эти игрушечные, ненастоящие войны, она делала по-настоящему, из золота высокой пробы, ещё кое-где сохранившегося на огромных глубинах старого карьера. А ведь ей ничего не стоило бы, например, убедить городские власти провести денежную реформу и ввести в обращение новые деньги, ну хотя бы бумажные. Подделать их они сами не смогут, у них ещё нет полиграфии, так что всё равно – приоритеты за ней. Но Гидра любила антикварный стиль, она по молодости увлекалась чтением и перечитала, наверное, все книги человечества – И бумажные, и электронные, на всех языках, всех времён и народов. И больше всего ей импонировали так называемые средние века так называемого второго тысячелетия. Города, войны, холодное оружие, роскошь элиты и нищета черни, простые отношения. Простая предсказуемая жизнь.

Но теперь человечество уже опять подошло к порогу нового золотого века – вот-вот начнутся изобретения, революции, развитие технологий. Пора было вмешаться.

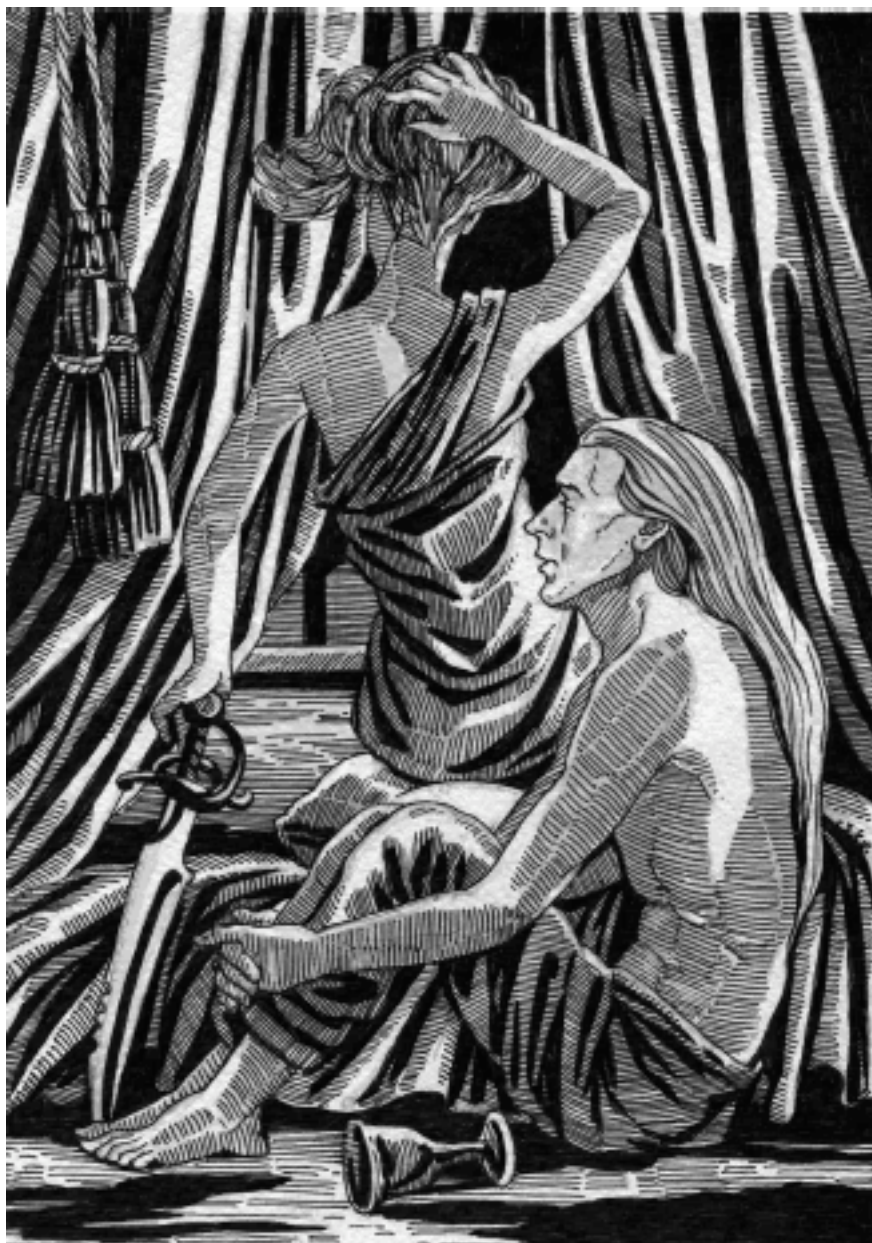
И Гидра начала свои таинственные перестановки, свои поштучные замены, подсаживая в гнездо ещё не окрепшего от последней катастрофы человечества своих верных рабов – биологических акселерированных клонов тех, кто был у руля, или тех, кто мог повлиять на ход истории или технического прогресса.

Кроме того, одной из основных задач она видела клонирование настоящего свержоина. А это совсем не просто. Нужно сначала отобрать среди тысяч естественно рождённых человечешек одного или нескольких естественно мутировавших уникалов, а уж затем клонировать их, создавая армию универсальных бойцов.

И ещё – их надо всему научить. Чтобы они были готовы. Ведь в любой момент даже в самой мирной и самой идеально подготовленной операции могут быть сбои. И тогда нужно будет применять силу. Но силу экологически чистую и не выходящую за рамки режиссуры – никаких бомб, никакой химии, никаких вирусов. Только человек! Только он может и уничтожить себя, и возродить.

Ему и карты в руки!

Крапленые Гидрины карты...

9

Или оттого, что у него самого кожа была такая мягкая, или оттого, что рубцы на её теле были такими твёрдыми, ему вдруг показалось, что эта женщина сделана из железа.

Пловцу повезло, его не били и не пытали, его вообще не тронули. Женщина-командир приказала ему встать. Он поднялся, сутулясь, опасаясь ударов солдат, которые смотрели на него снизу вверх враждебно и наверняка при малейшем его движении просто зарубили бы как скотину.

– Ты кто, шпион? – резко спросила женщина. – Что ты здесь делал?

Она смотрела на него с прищуром, разглядывая это голое чудо, переминающееся перед ней с ноги на ногу.

– Это Пловец! – крикнул кто-то из толпы. – Они все такие убогие!

Прокатился смешок.

– Боже, что это за штуки такие у него на ногах? а этот запах? Вонь! – воскликнула женщина и усмехнулась совсем по иному поводу. – А ведь симпатичный, гадёныш! и попался

мне как раз кстати, всё равно собиралась познакомиться с этим народцем. Вот и познакомимся! – женщина по-мужски гоготнула, видимо, забавляясь какими-то своими собственными мыслями.

– Подойди ближе! – скомандовала она и сделала повелительный жест рукой.

Кто-то сзади больно подтолкнул Пловца. Он выпрямился, оказавшись на голову выше любого из окружавших его солдат, сделал пару шагов навстречу командирше и споткнулся, зацепившись ластами.

– Чем это ты обмазался, красавец? Дерьмом, что ли? – издевательски поинтересовалась женщина и брезгливо провела указательным пальцем по его животу, ногтём собирая жирную смазку с его кожи. Пловец отпрянул. Все заржали.

– Молчать! – рявкнула женщина, и всё вмиг стихло.

– Помыть, одеть и накормить! – приказала она отрывисто и ринулась вперед, больно задев Пловца по рёбрам своим острым мускулистым плечом. Солдаты поспешно уступили ей дорогу, она взбежала по трапу и, уже оказавшись на борту, крикнула команде:

– Черномазого на борт! Собаку в воду! Кто тронет мальчишку – накажу! Уходим!

Она обернулась на крепость и, шурясь от яркого Солнца, махнула вверх рукой. Пловец посмотрел туда же – со строящейся стены им помахали в ответ юноша и девушка в белых одеждах, издалека они показались Пловцу двумя белыми тонкими цаплями...

Так Пловец оказался на борту.

Никогда ему ещё не приходилось плавать на лодках, а тем более на такой громадине. На нижней из трёх палуб, сумрачной и освещённой только коптящими масляными фонарями, двое солдат, весело переговариваясь на неизвестном ему наречии, усадили Пловца в деревянную лохань и принялись драить кусками какого-то душистого вещества, которое образовывало много пены и действительно быстро очистило кожу от слоя жира. Делали они это грубо, но ловко, очевидно, это были вовсе и не солдаты, а, скорее всего, обслуга.

– А красавца своего помоешь сам, да как следует, а то Хозяйке, ни дай Бог, не понравится! – сказал один из них почти без акцента. Банщики, веселясь, удалились.

Пловец домылся, ещё раз прополоскал свои длинные светлые волосы, которые всю почти жизнь держал туго скрученными на затылке, теперь оказалось, что они отросли ниже пояса.

Не обтираясь, потому что было нечем, юноша вылез из неудобной бадьи и впервые в жизни, долго возясь со штанинами, влез в коротковатые свободные шаровары неопределённого цвета, которые были оставлены для него на лавке.

Дощатый пол под ногами несильно и плавно покачивало, очевидно, корабль был уже в пути. Слух раздражало непрекращающееся гудение и рокотание, источник которого Пловец пока что не мог определить. Стукнувшись о край притолоки и пригнувшись, вышел из банного помещения, оказавшись перед крутой лестницей, по которой спустился сюда. Когда он уже собрался подниматься, люк наверху с грохотом отлетел и кто-то начал спускаться вниз.

– А, шпион! – приветливо осклабился солдат. – Поднимайся, погуляй пока, жрать будешь со всеми, наверху.

Голос его Пловец оценил как вполне дружелюбный, осторожно посторонился, пропустил солдата и полез наверх.

Вся команда гребла. Это была средняя палуба, освещаемая из весельных отверстий. Она была перегорожена – гребной отсек был отделен от какого-то другого помещения обшитой металлом стенкой, снабжённой металлической дверью. Оттуда, изнутри, слышался равномерный грохот и шипение. Команда гребла дружно, солдаты теперь были без экипировки, многие без рубаш. Пловец удивился их широким плечам и невероятно рельефной мускулатуре, вздувающейся шарами и валиками при движении. Видимо, гребля была их основным занятием. Такие фигуры Пловец видел издалека только у разбойничающих в этих морях галерщиков.

На этой палубе было очень жарко, гребцы обливались потом, но выглядели вполне довольными и дружелюбными. Перед каждым из них был закреплен кувшин с водой. В проходе на скамейке сидел один, который на чужом языке выкрикивал что-то в ритм движениям вёсел. Все уставились на Пловца; он, смущенный, поспешил уйти и по следующей – более пологой и широкой – лестнице поднялся на верхнюю палубу.

Здесь можно было расправить грудь, ветер окатил Пловца свежей волной, подхватил несобранные мокрые волосы.

Судно шло полным ходом. На верхней палубе кипела работа: кто-то возился с оружием, кто-то что-то мастерил, на носу у входа в обшитое деревом помещение несколько человек ловко рубили головы извлекаемым из корзин белым курам и тут же ошипывали их. Посередине, над огнём, весело пляшущим в огромном металлическом коробе, прямо на стальной решетке уже жарилось с десятков тушек, роняющих в пламя капли аппетитно шипящего жира.

Пловец развернулся и пошёл в другую сторону, задевая людей, спотыкаясь с непривычки, ударяясь то и дело о станины гарпунных пушек, смотрящих своими хищными клювами в бойницы высоких бронированных бортов. На юношу никто не кричал, не толкал его – как будто он был здесь всегда. Один раз, когда сильно качнуло, его даже поддержали, больно прихватив за локоть.

Теперь судно, и без того кажущееся большим, Пловец смог оценить по-настоящему. Оно было не просто большим, оно было огромным! и прекрасно оборудованным.

Добравшись до середины палубы, Пловец опёрся руками о высокий борт, перегнулся через него и засмотрелся на вращение гигантских колёс. Корабль шёл с невероятной скоростью, вёсла взлетали как крылья, ритмично и величественно, колёса вращались, неистово отбрасывая назад воду, в мареве мелких брызг мерцали многоцветные радуги.

Вся центральная часть палубы представляла собой огромные ящики-ёмкости, гружённые углём. Трое перепачканных солдат, цепляя уголь широкими деревянными лопатами, подавали его в отверстие металлической трубы, под углом уходящей в пол. Работали они, стоя на самих ящиках, проход между бортами корабля и их площадкой был отгорожен деревянными щитами. Ещё дальше от пола до потолка посередине палубы громоздилась черная металлическая колонна – очевидно, та самая труба, из которой шёл дым. «Каково её назначение?» – всё раздумывал Пловец. Всю же палубу от носа до кормы покрывала металлическая крыша с загнутыми вниз краями, опирающаяся на толстые металлические опоры. «Сколько железа!» – подумал Пловец.

Он отправился дальше, миновал ещё ряд гарпунов и в самом конце палубы увидел великолепный шатёр, наподобие тех, которые используют Песчаные кочевники, но только значительно больше и красивее. Здесь по бокам шатра пространство от крыши до бортов было затянуто цветными тканями, шелестящими и будто поющими на ветру, что создавало и тень, и ощущение уюта. Дощатая палуба была приподнята на три ступеньки и выстлана толстыми коврами. Кое-где стояла массивная мебель с мягкой обивкой – диваны, кресла, пуфики, сундуки. Такую он видел только однажды – среди товара, привезенного Галерщиками на продажу в одно из поморских поселений.

Два солдата сидели на скамье, один расположился в кресле у входа в шатёр. Здесь были и женщины – пожилая чернокожая в белых длинных одеждах и светлокожая толстуха помолже, одетая по-солдатски – шаровары, рубаха с кожаным поясом, сандалии.

Женщины накрывали на стол, красующийся посередине.

Пловец было развернулся чтобы уйти, но его окликнули. Толстуха поманила его рукой и указала на шатёр.

– Иди, везунчик, – криво усмехнулась она, – тебя ждут!

Один из солдат поднялся со скамьи.

– Давай, давай! – подбодрил и одновременно приказал он. – Проходи, не бойся.

Пловец прошел мимо стола, отодвинул полог и, пригнув голову, вошёл в шатёр. Хозяйка сидела в кресле, поджав ноги крест-накрест под себя. Она была почти голая, если не считать шёлковой почти прозрачной рубашки, что ничуть не смутило юношу, привыкшего к наготы своих соплеменников. Женщина, напротив, всматривалась хитро и внимательно ему в глаза. От этого взгляда Пловцу стало как-то не по себе.

– Садись! – указала она ему на ковёр. Голос её звучал низко и отрывисто. Пловец присел неловко.

– Рассказывай! – приказала она тоном, не терпящим возражений, спустила одну ногу с кресла, поставив её юноше на колено. У него перехватило дыхание от страха. Он вперился в маленькую загорелую ножку и выше, глядя исподлобья на шрамы, покрывавшие икры, колено и подъём стопы.

– Что рассказывать? – выдавил он из себя.

– Всё рассказывай, да поподробней. Так ты шпион? Ведь шпион же! – повысила она голос.

Она пододвинулась вдруг вплотную, и схватив Пловца за подбородок, развернула его лицо к себе.

Невольно он посмотрел ей в глаза и отпрянул в испуге – В её черных, как угли, огромных глазах он увидел пламя огня. Он не сопротивлялся, он только прошептал:

– Я не шпион. Я пловец. Я просто живу в этом море. Я добываю его дары.

Он почувствовал прикосновение её тела и в испуге оттолкнул женщину.

Она, падая назад, с неожиданной силой, не соответствующей её росту и сложению, потянула Пловца за собой и, упав на спину, обездвижила его в своих объятиях.

– Пловец, пловец, пловец... Ты будешь моим лучшим рабом, – прошептала она ему прямо в лицо. – А я – самой лучшей твоей добычей. Страшно? – неожиданно тихим голосом спросила она. Он промолчал. Она взяла его руку и опустила себе на плечо. Через тонкий, почти прозрачный шёлк пальцы коснулись шрамов.

– Боже мой, сколько шрамов, – произнёс он и почти не услышал собственного хриплого голоса.

– Я, дорогуша, боец... По иронии судьбы я когда-то была Воином в нашем проклятом Городе, под видом мальчишки, конечно... Лет пятнадцать назад. Но я смогла улизнуть со своим маленькими братом... И сестрой... – прошептала она ему прямо в глаза, почти прикасаясь губами к его переносице. – Теперь я сама себе хозяйка. И твоя хозяйка тоже...

От неё сильно пахло вином. Грудь её коснулась его живота.

Горячая волна вдруг обдала Пловца, как никогда раньше с ним ещё не было. Страх исчез, но дрожь, идущая изнутри, охватила всё тело. Женщина прильнула к нему, прижалась плотнее. Он ощутил упругое прикосновение её мускулистого живота. Это ощущение, как открытие, бешено застучало в сердце, вскружило Пловцу голову, обожгло изнутри...

Потом, когда они молча лежали на толстом шерстяном ковре, она, улыбаясь, задремала, раскинувшись бесстыдной морской звездой, а он отодвинулся от неё и сумел украдкой разглядеть её тело.

Или оттого, что у него самого кожа была такая мягкая, или оттого, что рубцы на её теле были такими твёрдыми, ему вдруг показалось, что эта женщина сделана из железа. Как и весь её грозный корабль.

Пловец задумался о чём-то, разулыбался и так вскоре и заснул, уютно пристроившись головой на животе своей первой женщины.

И снилась ему давно покинувшая его мама, снилась деревня, какие-то песни, то ли из раннего детства, то ли услышанные где-то в морских просторах, снились дельфины, такие весёлые и добрые, что даже во сне он засомневался, на них ли он охотился с товарищами совсем недавно. Дельфины не отбивали своих малышей у напавших на них Пловцов, а кружились в немислимом танце и пели какие-то песни... Добрые и простые. О море, о солнце, о свободе.

10

Огромная чёрная тень стремительно взмыла вверх – летающий дом поднимался, быстро уменьшаясь в размере и набирая скорость, и вскоре улетел в южном направлении. Небо сияло звездами.

На последней утренней летучке в Управлении сам Первый секретарь отмечал, что старики стали нерасторопны, работают хуже, чем раньше, недвусмысленно предупредил, что, мол, не дай Бог, будут ошибки в работе! Ясно было, куда он клонит! Старики никому не нужны. Даже в таком элитном подразделении. Вернее, тем более в таком элитном подразделении.

Теперь все мельком посматривали на Возницу – тот был самым старшим в команде. Небось, злорадствовали!

А пошли вы все к чёрту! Под этим предлогом старый служака отмежевался от компании, наорал на кого-то и ушёл к своей телеге. Вскоре, когда солнце покатилося вниз и первая звезда вынырнула из небытия, Возница демонстративно отмолился в одиночестве и залез на телегу,

якобы устраиваться на ночлег. Он укрылся тряпицей и натянул её на голову, спасаясь от злющих комаров, обитающих в здешних зарослях на левом берегу. Десятники тем временем что-то перекусывали, весь обоз был занят своими делами, кто-то по соседству уже устраивался отдыхать.

Вскоре подвернулся ещё один повод отогнать от себя товарищей, Водовоз, проходя мимо Возницыной лошади, хлопнул её от нечего делать по крупу. Она, конечно, дёрнулась вместе с телегой. Возница, который якобы спал, вскочил как ошпаренный и бросился на парня с кулаками. Их с трудом разняли, но вечер, чего и требовалось, был испорчен для всех, а один из Надзирателей пригрозил, что оштрафует зачинщиков. Ясно было, что теперь никто даже не приблизится к этому взбалмошному старику. Все, бранясь, разошлись и занялись другими делами.

Возница снова улёгся и, как только темнота сгладила все краски вокруг, а луна ещё не успела подняться из-за холмов высоко на небо, тихонько выбрался из телеги, подсунил вместо себя укатанный рулон тряпок и, крадучись, отступая и хоронясь, покинул стоянку. Никто, очевидно, ничего не заметил.

Возница вскарабкался на обвалившийся в этом месте берег и углубился в заросли кустарника, держа перед собой руки для защиты глаз. Ободрался весь в темноте, но выбора не было. Стараясь сделать полукруг, он отдалился от берега, забрал вправо и снова вправо.

К тому времени, когда Возница снова вышел к руслу, луна в полную силу уже осветила холмистые окрестности. Тихонько подкравшись к скалистому краю, Возница обнаружил, что весьма удачно обогнул расположение обоза и теперь оказался уже далеко впереди, как и рассчитывал. Он прошёл ещё немного, прекрасно освоившись в темноте, и, когда река сделала поворот, безбоязненно спустился вниз, чтобы идти по пересохшему потрескавшемуся дну – так и легче, и быстрее.

Он шёл долго, даже очень долго и, по его разумению, давно уже должен был что-то услышать или увидеть. Но расстояние до поля боя всё не сокращалось, и не было поблизости никаких признаков битвы – криков или ещё чего-нибудь...

Тем неожиданнее для него была увиденная картина.

Он обогнул мыс, где русло делало резкий поворот и начинало спускаться с чуть большим уклоном, зимой река здесь, видимо, огибала естественную преграду – каменистый холм, а с другой стороны её поджимали не менее устойчивые породы. Там-то он вдруг увидел ярко освещённое пространство.

Все звуки боя обрушились на него разом: лязг металла, лай собак, крики, стоны. И запах – жуткий запах свежей, совершенно свежей крови. Впереди, буквально в сотне метров от Возницы, громоздясь до неба, возвышался великолепный сетчатый купол, сверкающий металлическими бликами. Он был похож на клетку для попугаев, такие висят на окнах у зажиточных горожан. С наружной стороны этой клетки рвались с цепей бронированные собаки, чуть поодаль гарцевали на лошадях Десятники и Ротник, внимательно наблюдающие за тем, что происходит внутри.

А внутри, видимо, уже шёл к развязке бой. Во всяком случае всего несколько Воинов ещё рубились, падая и еле поднимаясь, вкладывая последние, уже иссякшие, силы в неточные удары, спотыкаясь о трупы товарищей. Кое-где раздавались ещё приглушённые стоны. И конечно же, как и ожидал Возница – никаких иноверцев, никаких врагов!

Яркий белый свет бил из-под купола, он как бы поджигал сам воздух, не оставляя места даже для теней. Отсюда, со стороны, Возница вдруг разглядел, что вся эта клетка не что иное, как сеть, сплетённая из металлических канатов, подвешенная к чему-то огромному, чёрному, висящему прямо в ночном небе. Возница шарахнулся назад, боясь быть замеченным. Выбрав полегче подъём, он вскарабкался на холм и укрылся за валунами там, откуда было видно всё как на ладони. Он наблюдал.

Всадники иногда поглядывали и в его сторону, зорко всматриваясь в окружающий ландшафт, будто это вовсе была и не ночь. Старик вжимался в землю, пригибал голову. Если заметят, догонят в два счета и убьют на месте!

Картина внутри клетки особенно не менялась – там ещё кто-то дрался. Но вот наверху – это было, действительно, интересно! Возница даже на некоторое время забыл об осторожности. Оказывается, в воздухе на высоте, примерно равной полутора-двум высотам башни Городского Управления, висел огромный шар, то там, то сям периодически вспыхивающий неясными голубыми огоньками, матовая его поверхность не отражала ни света Луны, ни даже этого яркого света, падающего на землю из самого шара.

И самое потрясающее, что по экватору этого летающего монстра можно было разглядеть что-то вроде балкона с перилами, опоясывающего шар со всех сторон. А на балконе том – люди! Люди, чёрт побери! Крошечные черные фигурки, передвигающиеся иногда в ту или другую сторону. Со своей позиции Возница даже разглядел, что некоторые из них наклоняются над перилами, видимо, заглядывая вниз. «Чёрт возьми, они же наблюдают! Это же зрители! а наши Воины? Выходит – это же просто бойцовые петухи, стадо муравьёв, отрывающих друг другу головы!»

Дух перехватило от этой догадки, Возница даже забыл как дышать.

Но вот что-то изменилось, на поле боя остался стоять только один последний Воин – белокурый коренастый мальчишка в кожаных штанах и окровавленной рубахе. Он припал на колени и опирался, еле держась на ногах, на рукоятку своего двуручного меча. «Некрупный такой парень, но, видать, действительно, первоклассный боец», – даже с каким-то уважением подумал Возница.

Вдруг кто-то поднялся на четвереньки, но тут же снова упал. Белокурый Воин развернулся, еле передвигаясь, добрался до раненого и, медленно подняв меч, обрушил его вниз. Голова товарища отделилась от тела, кровь хлынула на землю. Все это видел возбужденный Возница, мурашки бегали по его спине. Но что же будет дальше?

А дальше раздался оглушительный треск, и сотни металлических прутьев, ограничивающих освещённый круг, выдернулись как бы сами собой из земли и стали волшебным образом укорачиваться. Чудесная стальная сеть с грохотом изменила конфигурацию своих ячеек, через несколько секунд вообще распалась, превратившись в отдельные канаты, а ещё через какое-то время что-то наверху загудело, и связка канатов с гулким жужжанием быстро уползла вверх и исчезла в ослепительном свете.

Всадники спешили, Ротник поспешил к живому Воину, держа на всякий случай руку на рукоятке кинжала, остальные осматривали поле боя. Собаки бесновались.

Через некоторое время один из Десятников зажёл факел, вскочил на своего огромного коня и ускакал в сторону обоза. Вдруг освещение изменилось, ослепительный белый свет стал не таким ярким и чуть желтоватым, шар начал спускаться и завис примерно на высоте третьего-четвертого этажа. Пятно света сузилось, и под ним оказался Воин, уже получающий первую помощь, и Ротник, промывающий ему раны, накладывающий бинты.

– Вот это забота! – осклабился Возница.

Собаки тем временем совсем взбесились. Они были привязаны к небольшим металлическим кольям, вбитым по всей окружности, и сейчас, очумевшие от запаха крови, рвались с цепей, визжали и лаяли, пытаясь дотянуться до ближайших трупов и друг до друга. Ни то, ни другое им пока не удавалось.

Раздираемый любопытством, Возница полез вперёд, прополз немного, рискуя свалиться вниз, и очутился совсем рядом, защищённый только чахлым кустиком, цепляющимся за край берега. Шар, висящий в воздухе, отсюда был виден великолепно, он был совсем близко – чуть выше холма. Людей на балконе уже не было. Возница всматривался в темную поверхность, но ничего не мог разглядеть. Он совсем забыл об осторожности. Единственное, что он сумел

разглядеть, так это то, что шар этот имел скорее форму яйца, из нижней части которого бил свет. Размер всего этого летающего чудовища был весьма внушительным, примерно с обычный городской дом в четыре этажа.

Дух захватывало от самых фантастических догадок, роящихся в бедной голове Возницы. Первый раз в жизни он видел что-то летающее, кроме птиц, конечно, да ещё с людьми, да ещё такого размера! «Летающий дом! – так и решил он. – А кто там внутри, кто эти люди? Может, это и не люди вовсе! Боги? Божье воинство? Но ведь Бог один – он в сердце!»

Ход его спутанных мыслей был прерван двумя чрезвычайными событиями. Во-первых, Десятники быстренько освежали четыре труппа, разрубили их на множество частей и стали кормить уже перешедших на пронзительный визг собак. Страшное было зрелище.

«Этого ещё только не хватало! Собачки-то у нас – людоеды! Узнал бы кто-нибудь об этом в обозе! Но ведь обычно эти собаки в сторону людей даже не смотрят! Ничего себе, попадись такой твари с голодухи!» – выдавшего вида Возница тошнило, он зажимал рот руками.

А во-вторых, произошло, видимо, именно то, ради чего и велась эта война. Ротник, ухаживающий за Воином, отвел его чуть в сторону и с шара упал канат с трапецией на конце, подобной тем, которые делают на качелях в некоторых городских садах.

– Садись на перекладину и держись крепче! – раздался громкий то ли мужской, то ли женский голос, идущий явно сверху – из летающего дома. Обессиленный мальчик послушно сел на перекладину и быстро уплыл вверх, в световое пятно. Сразу после этого вниз спустился канат, на этот раз уже с привязанной к нему огромной корзиной. Десятники быстро покидали в него самое разное оружие и части экипировки. Туда же отправился двуручный меч победителя. Корзина тоже уплыла вверх, а через несколько секунд вниз с тяжелым грохотом упал небольшой мешок. Десятники столпились над ним, Ротник немного потеснил их, присел на корточки, развязал тесемки и вывернул края.

Даже со своей позиции Возница разглядел то, что было там внутри. Там было золото, золотые монеты! После проверки Ротник завязал потуже тесемки, двое подняли мешок за толстые лямки и перенесли к одной из лошадей. Они привязали мешок к задней части седла и накрыли вместе с седлом попоной.

– Прячут! – подумал Возница. – Ещё прикроют плащом. Вот почему мы этот мешочек никогда не видели! Как всё просто – ведь это ж и есть Казна! Деньги правительства! Вот зачем вся эта мясорубка, вот зачем мы выращиваем Воинов, вот на чём держится вся наша хваленая экономика!

Собаки тем временем уже нажрались, с лёгкостью перемолов даже кости. Десятники, управляясь хлыстами, ловко собрали их, неожиданно успокоившихся и тихих. Ротник поднял голову вверх и дал отмашку. В то же мгновение свет из летающего дома погас, стало непривычно темно, и только несколько факелов тускло освещали пространство между двумя берегами – картина, которую увидят обозники, когда придут к месту своей ответственной работы.

«Так это и есть смысл нашей жизни? Но кто же эти люди в проклятом Летающем доме?» Возница вытаращил глаза, вглядываясь в темноту, его неудержимо тошнило. Вдруг он услышал гудение, похожее на то, как гудит огонь в кузнечном горне. Огромная чёрная тень стремительно взмыла вверх – летающий дом поднимался, быстро уменьшаясь в размере и набирая скорость, и вскоре улетел в южном направлении.

Небо сияло звездами.

«Пора бежать!» – подумал Возница и стал пятиться, стараясь двигаться как можно тише, потом развернулся и полез на четвереньках прочь от края обрыва. «Куда бежать? – быстро соображал он. – В обозе, конечно, уже хватились, обнаружили пропажу. Но поиски не разворачивали, а двинулись без меня – сбор трупов нужно закончить до рассвета и успеть добраться до Города. Такова Инструкция. А как же иначе? Значит, обоз уже в пути. Первым делом побегу поверху, по-над берегом, нужно вернуться к месту стоянки, где уже никого не должно быть».

Возница быстро прикидывал, что ещё нужно успеть подобрать сброшенную в кустах перемётную сумку со всем необходимым – едой, водой, деньгами, оружием. А потом, с дальним обходом, лучше со стороны моря – прямо на Юг. Ведь туда улетела эта штуковина, там и разгадка!

Что-то там есть, что-то необыкновенное, и там живут эти люди, эти, может быть, Боги. А там уже – будь что будет! Главное, узнать, узнать всю правду! Но сейчас важно – не попасться, не выйти случайно на людей. Любая встреча, даже не со своими, может обернуться плохо. А тем более со своими. Убьют! Но сначала будут бить до одурения. Это уж точно!

Возница отделился от русла реки, однако не теряя его из виду, и помчался назад. Когда, совершенно мокрый и задыхающийся, он уже собрался забирать в сторону, обнаружив все приметы близкого расположения обозной стоянки, то вдруг увидел какое-то движение впереди в темноте. Он бросился на землю и затаился. Впереди, по склону холма, в направлении от реки торопливо двигалась группа людей, даже в ночи можно было разглядеть, что они были вооружены. Они несли на себе что-то. Приглядевшись получше, Возница увидел, что этим чем-то был человек, привязанный за руки и за ноги к толстой палке, и этим человеком был Десятник. Ещё двоих, обычного роста и в доспехах таких же, как у остальных, тащили на носилках. Видимо, Десятник оказал сопротивление. Огромная десятниковская лошадь, фыркающая и раздраженно ржа, плелась поодаль, не решаясь ни покинуть своего плененного хозяина, ни приблизиться к чужакам. Её неоднократно пытались прогнать.

Сумасшедший старик, забыв о своей сумке и о своих планах, терзаемый невыносимым любопытством, отправился вслед за этой группой.

Кто такие? Куда это они его потащили? Даже сил вдруг как будто прибавилось. Ночь была на исходе, старик семенил за уходящими, кажется в сторону моря неизвестными бойцами, уносящими пленного Десятника. На востоке уже посветлело, Возница увеличил дистанцию, чтобы его не обнаружили.

Однажды прямо мимо его ног прошмыгнули две песчаных лисички. Сердце, казалось, вот-вот вот выскочит из груди. Но Возница и не думал останавливаться. Он решил, что обратной дороги нет.

Так оно на самом деле и было.

Часть вторая. Исход

11

Он стал соскребать грязь и прилипшую сливу о край ступеньки, вспомнил вдруг свой любимый Машук, его гордое древнее одиночество и решил, что никогда, никогда в жизни он сам не будет одинок! Не такой уж он парень...

Маленький Пёс побежал гулять, как обычно, очень рано. Это, однако, не помешало его бабушке нарядить внучика как на парад – белый матросский костюмчик, новые белые сандалики, белые гольфики. Заставила надеть на стриженую головку белую пилоточку с красной кисточкой. Боже, какая прелесть!

Маленький Пёс уже на крыльце проглотил стакан клубничного киселя и выскочил как птичка на свободу. Счастье, огромное светлое Счастье схватило его своими солнечными паль-

цами и понесло по утреннему двору мимо гигантских кустов золотых шаров, мимо всеми любимого тутового дерева, мимо крылец соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.